

Karl-Heinz Radde: Ich war erst zehn.

Ein Beitrag aus: Jürgen Ruszkowski: Band 15- „Wir zahlten für Hitlers Hybis - Zeitzeugen um 1945“
Übersetzt durch Anton Derjabkin - Антон Дерябкин

Юрген Рушковский. Том 15 - Свидетели **1945-46**. - Карл-Гейнц Радде: Мне было всего десять

Мне было всего десять - пережитое в Восточной Померании с марта 1945г.

Рассказ свидетеля событий Карла-Гейнца Радде. Записано в Дрездене в январе 1995г и январе 1999г и в Герлице в 2003г.

Русские уже под Руммельсбургом.

Пятница, второе марта 1945г. С самого раннего утра мы укрываемся от авианалёта в яме , перекрытой балками и досками. Эту яму мы называем „наш бункер“. Вот уже 2 недели русские самолёты небольшими группами пролетают над нами высоко в небе в сторону леса. Их цель - районный центр город Бютов , железнодорожная станция в деревне Гросстухен и деревня Цеммен. Должно быть, в Бютове дела идут совсем плохо. Но подробностей мы не знаем. Наша деревня оказалась отрезанной войной от всего мира.

Теперь всё небо покрыто летящими самолётами. Кажется, они собираются совершить свой страшный бомбовый удар как раз на наш крестьянский двор, находящийся в треугольнике между деревнями Гросстухен, Цеммен и Францвальде. Разрывы бомб приближаются с каждой минутой всё ближе. Создаётся впечатление , что это взрывы артиллерийских снарядов, и что линия фронта проходит как раз над нами. Часто пулемётные очереди прорезают наш крестьянский двор вдоль и поперёк. Песок и земля маленькими струйками сыплется с потолка. Кругом раздаются крики. У Варьки, нашей работницы с Украины , началась истерика . Она ужасно боится умереть. Моя мама одновременно пытается успокоить её и моего младшего брата, который кричит так, как будто его режут. Наша бабушка тихо молится. Я про себя ругаюсь, потому что песок с потолка постоянно попадает мне в глаза. Я сижу у выхода из нашего бункера и наблюдаю за тем, что творится в нашем саду. Вдруг раздаётся взрыв страшной силы. Я вижу, как размещавшиеся в нашем доме солдаты стали быстро выбегать из дома и укрываться под маскировочной сеткой в саду. Большое чёрное облако дыма окутало всё происходящее. Я закричал, что наш дом загорелся, и все закричали тоже. Однако моё предположение оказалось неверным. Дым потихоньку рассеивается, и я вижу, что наш дом всё ещё стоит, только стёкла повывлетали.

Почему не стреляет зенитная батарея? Вот уже несколько месяцев у нас в Гросстухене располагаются 2 большие четырехствольные зенитки. Одна из них стоит на холме на земле Густава Крампа у дороги на Нойхюттен , а другая на земле Книттера у дороги на Бютов. Но обе зенитки молчат.

Ближе к вечеру я оббежал наше хозяйство, чтобы посмотреть на разрушения. Я насчитываю ровно 205 воронок от авиабомб. Многие из бомб так и не взорвались. Всего 4 бомбы попали в хлев и сарай и пробили крышу в конюшне. Это всего лишь маленькие осколочные бомбы , которые не могут нанести большого ущерба. Слава Богу, ничего не загорелось.

Появляются 2 важных офицера СС и хотят знать, где мы укрываемся во время авианалётов . Они непременно хотят видеть наш „ бункер „ . В этот момент раздаётся артиллерийская канонада со стороны Руммельсбурга . Оба офицера остановились и прислушались „ Наша ария? „-спрашивает первый . „Ну, наконец-то !...Как ты думаешь, они удержат фронт?“. Другой покачал головой. „Нет. Уже слишком поздно. Война проиграна!“ . Я удивлён и напуган, что так говорят не только солдаты , но и офицеры. Зачем же тогда сражаться дальше или отправляться вместе с другими беженцами в тыл? Зачем тогда мой отец и ещё 50 мужчин из Гросстухена и близлежащих деревень должны были примкнуть к народному ополчению? Мы хотим узнать у офицеров СС, что нам теперь делать и как нам быть. Они на удивление открыто говорят, что никаких боевых действий на нашей территории запланировано не было и что максимум что здесь будет - это однодневный бой , и то только потому , что наша местность с лесами , холмами и озёрами подходит для оборонительных действий . Они советуют нам покинуть родные места , но не уходить дальше чем на 50 км. Этими

заявлениями мы немного успокоены. Ведь это значит, если здесь не будет тяжёлых боёв с применением танков, самолётов и тяжёлой артиллерии, то наши крестьянские хозяйства останутся целыми. То, что здесь всё останется целым, является для нас самым главным .

На следующий день с самого раннего утра мы снова опускаемся в нашу землянку . В полдень наша зенитная батарея в Гросстухене обстреливает русские самолёты . Но вдруг самолёты поварачивают назад и в небе показывается всего лишь один немецкий истребитель , который преследует русских . Наконец снова наступило затишье .

Наш белорусский работник , из под Минска , с невыговариваемым для нас именем Владислав Держиевский , которого мы называем просто Лэди и который уже почти стал членом нашей семьи , каждый день пытается поддерживать связь с соседями . Иногда он часами не появляется у нас, теперь же он принёс из деревни ужасающую новость: мы немедленно должны покинуть наш дом. Деревня Гросстухен уже перешла в распоряжение военных и все гражданские лица должны покинуть её до 21 часа. Вечером пошёл снег. Итак, в непогоду мы уже в качестве беженцев выдвигаемся в дорогу.

Уже несколько недель наша повозка стояла в сарае готовая к отправлению. Это большая телега для сбора урожая с небольшой крышей из просмоленной бумаги и добротного брезента. Лошади без труда тянут нашу тяжёлую повозку в гору. Не далеко от дороги на Пиашен наши лошади вдруг останавливаются. Мы не можем понять почему. Может быть, препятствием для них послужила небольшая воронка от бомбы. Лэди берётся за плётку, но лошади лишь громко дышат, жалобно ржут и роют землю копытами. Тогда наша бабушка даёт мне задание бежать к нашему соседу Пельцу и попросить, чтобы он выручил с лошадьми. Вероятно, наши лошади всё ещё не отошли от недавних взрывов. Я с удовольствием бегу к соседу, потому что вот уже несколько дней мы просидели под землёй совершенно без движения.

На дворе у соседа Пельца тоже стоит повозка, уже готовая к отправлению. Похоже, совсем скоро они собираются выезжать. Но лошади всё ещё не запряжены. Задыхаясь от бега, я сообщаю о нашей проблеме и прошу помочь лошадьми. Старый Пельц долго, задумчиво оглядел меня и лишь мотнул седой головой. Затем говорит: " Нет, нет, мальчик, беги обратно домой. Лошадей я тебе не дам. Как ты себе это представляешь? Они и без того слишком слабые". Они всю зиму простояли в конюшне. Я с трудом разбираю его слова, потому что он говорит на диалекте и снова пытаюсь убедить его: " Бабушка сказала, что лошади нужны нам совсем не надолго. Вам не надо будет тянуть. Нужно поторапливаться, ведь русские уже не далеко от Глизно." Но старый Пельц неумолим: "Ну, хватит. А что касается русских, то всё это болтовня. Ведь наши солдаты всё еще здесь. У нас есть ещё много времени до прихода русских ". Затем уже более мягким тоном: "Ну, всё, хватит. Я тебе уже сказал, лошадей я не дам. Беги лучше домой. А лошадёй своих хорошенько плёткой по спинам отходите. Это поможет. Так и вытащите свою повозку". Потом он трясёт своей седой головой и говорит: "Нет, ну кто бы мог подумать!".

Я бегу назад к нашей повозке. Тем временем Лэди снял с повозки пару тяжёлых вещей, прежде всего огромные мешки с овсом. Вскоре эти мешки здорово выручат нас. Но разгрузка повозки не принесла желаемого результата, лошади так и не двинулись с места. Я вспоминаю страшные рассказы моей бабушки о том, что лошади могут предчувствовать несчастье и ведут себя соответствующим образом. Если они не хотят идти со двора, это означает большую беду и смерть, и что никто больше не вернётся. Но я боюсь произнести это вслух. К тому же не время думать об этом. "Тогда беги скорее к Дураве", распоряжается бабушка. До дома нашего соседа Дуравы нужно бежать гораздо дальше. Я бегу.

Во дворе у Дуравы тоже стоит телега, готовая к отправлению. Двери хлева и сарая широко распахнуты, но ни души не видать. Я вбегаю в дом. Господина Дураву я застаю на кухне за едой. Я второпях рассказываю ему о нашей проблеме. Господин Дурава внимательно слушает меня и говорит: " Но почему ты пришёл к нам? Почему ты не отправился к Пельцу, ведь он живёт гораздо ближе? Времени осталось совсем мало, из Гросстухена все уже давно уехали, а в Руммельсбурге идут бои. Русские уже добрались до Глизно." Я говорю, что уже был у Пельца и что он не дал

лошадей." Дурава вскочил: " Как это так? Не может быть. Быстро беги к Пельцу, я иду следом." Едва я добежал до дома Пельца, как сзади послышались тяжёлые шаги Дуравы.

Семейство Пельцев как раз собирается выезжать. Они действительно хотят ехать одни. "Мои книги, мои книги", прикрикнул старик. Мне стало интересно, о каких книгах идёт речь. Наконец Анна, украинская девушка, выносит из конюшни 2 книги, которые были оставлены там специально на видном месте. Это лютеранская библия и евангелический сборник церковных песнопений. С этими книгами старик никогда не расстаётся.

"Быстро сюда лошадей!", бешено зарычал Дурава. Я ещё никогда не видел его в таком гневе. Но старик становится между Дуравой и лошадьми: "Я не могу так рисковать! А если мои лошади повредят себе что-нибудь, что тогда будет со мной? Каждый должен решать свои проблемы сам. Они сами виноваты, что так вышло, не надо было так много грузить в телегу. Сами теперь пусть и расхлёбывают. Я здесь не причём. Кроме того, можно спросить лошадей и у других". Тогда Дурава два раза сильно ударил старика в грудь, да так, что Пельц чуть не упал. Затем Дурава распрягает лошадей и отдаёт мне вожжи. Мы с лошадьми побежали к нашей повозке.

Тем временем наша повозка не продвинулась ни на метр. Лэди всё ещё пытается ударами плётки заставить лошадей тянуть повозку. Дурава подходит и берёт наших лошадей под уздцы. Не успели мы запрячь лошадей Пельца, как наши лошади снова потянули повозку.

К тому времени, как мы добрались до мельницы Барске, стало уже совсем темно. Не видать ни души. Перед деревянным мостом через реку Каменц наши лошади снова стали и ни в какую не хотят идти через мост. Уже сотню раз наши лошади тянули тяжёлую повозку через этот мост когда мы возвращались с нашего сенокоса из деревни Гроссмассовитц. Они знают здесь каждый шаг, но теперь они жалобно ржут и роят копытами землю. И снова плеть безуспешно ложится на их спины.

Вдруг из темноты появляются три солдата. Один из них - офицер с белой повязкой на голове. Обе его руки перебинтованы, да к тому же он хромает. Его товарищи не сильно отличаются от него. Их внимание привлёк шум лошадей, и они решили помочь. Большой дом мельника Барске был переполнен тяжелоранеными. Со стороны Руммельсбурга доносится сильная артиллерийская канонада. Выстрелы тяжёлых пушек хорошо слышны в морозную ночь. Кажется, этот шум приближается с каждой минутой всё ближе.

Наверно, в Цеммене уже идут бои. Раненые солдаты прислушиваются к выстрелам. Моя мама спрашивает солдат, стоит ли вообще покидать родные места, и успеем ли мы присоединиться к остальным беженцам. "Конечно", говорит тяжелораненый офицер, "русские ещё далеко. Мы их удержим." Он действительно говорит "мы", и его лицо искажается гримасой боли. Кровь сочится через его повязку. Я вспоминаю тех двух офицеров СС, для которых война уже проиграна. А эти калеки ещё хотят остановить русских. Но не время для таких размышлений. Раненый офицер берёт наших лошадей про уздцы, гладит их по загривку своей забинтованной рукой и что-то ласково им говорит. И вдруг лошади снова без усилий потянули тяжёлую повозку через мост и больше они никогда не доставляли нам хлопот.

На земле Гауля и Дунзе мы вышли на дорогу, соединяющую Руммельсбург с Бютовым. В деревне Гросстухен не видать ни души, ни лучика света, лишь несколько военных грузовиков. У здания почты стоит мотоцикл и автомобиль. Солдаты перегружают почту. Один из них окрикнул нас: "Эй, люди, вы последние, давайте быстро. Русские уже в десяти километрах от Глизно." Спустя некоторое время мы, наконец, настигли колонну беженцев. Но все эти люди были из соседних деревень. Жители Гросстухена уже давно покинули деревню.

На востоке от деревни Моддров мы видим жуткое зрелище. Огромное зарево пожаров освещает ночное небо. Вдруг вся колонна останавливается. На дороге появляются люди из СС и объявляют: "Сегодня ночью русские прорвались к балтийскому морю. Мы в котле. Однако повода для паники нет, мы эвакуируем вас по морю через Гданьск и Готенхафен."

В деревне Ниппоглензе.

Рано утром мы въехали в заснеженную деревню Ниппоглензе, которая уже находится на территории района Штольп. Солнце только что взошло и наступила настоящая зимняя погода. Колонна беженцев вошла в деревню. Никто не может решиться, оставаться здесь, или же идти дальше. Вся деревня забита телегами и повозками беженцев и военным транспортом. Здесь много беженцев из Бютова. На каждом шагу нам встречаются знакомые лица. Я встречаю свою кузину Эллу Фоллерт. Она всё ещё в состоянии шока после авиационного налёта на Бютов. Впервые мы узнаём подробности о разрушениях в Бютове, о сотнях убитых и раненных, об обстреленной колонне беженцев на станции и у мельницы.

Один пожилой господин бежит от повозки к повозке и что-то возбуждённо кричит. Он заглядывает и в нашу повозку. "Люди, вы уже слышали? Кюстрин освобождён. Я только что слышал специальное сообщение. Наши войска освободили Кюстрин!". Он плачет как ребёнок. "Мой сын тоже сражается в Кюстрине. Ему только шестнадцать. Да, да, наши мальчики...". Он снова бежит к следующей повозке, чтобы сообщить свою радостную весть. Однако то, что вызвало у этого господина слёзы радости, наводит на нас ужас. Наша бабушка с ужасом произносит: "Кюстрин, это же не далеко от Берлина! О, Боже, русские уже под Берлином! А мы здесь в нижней Померании в котле. Куда же нам теперь идти?" С этого момента всем нам становится ясно, что добровольно мы никуда не пойдём, мы останемся здесь, не далеко от своей родной деревни Гросстухен. Уж ни в коем случае мы не хотим на корабль. Лучше умереть дома, чем в ледяных волнах балтийского моря, или где-нибудь ещё на чужбине. И это наше общее мнение.

Наша бабушка считает, что конец войны совсем близок. "Если так пойдёт и дальше, то он предложит перемирие. Точно так же, как и тогда в мировой войне 1918 года." Под словом "он", бабушка подразумевает Гитлера. Однако, никому из нас ещё не было ясно, что эту войну ведут не генералы, а полоумный и безответственный ефрейтор.

На просёлочной дороге мы встречаем нашего соседа Бруно Барске из Обермюле. В руках у него лопата, а под мышкой небольшой узелок. Моя мама с иронией спрашивает его, не хочет ли он выкопать траншею для танка. Сейчас как раз самое время для этого. Но он всего лишь хочет похоронить своего новорождённого внука. Ребёнок замёрз в первую же ночь эвакуации. Гизела, мать ребёнка, с высокой температурой лежит в повозке. Господин Барске просит меня помочь ему выкопать могилу. Мы долго ищем подходящее место и, наконец, находим его в парке путткамерского замка. Эта могила находится справа от сосны, если смотреть с дороги, ведущей из Бютова в деревню. "Здесь, возле сосны под стеной мы когда-нибудь похороним его со всеми почестями", говорит Барске. С огромными усилиями мы вырываем в замёрзшей земле небольшую яму. Земля уже глубоко промёрзла. Идёт снег и ужасно холодно. Мы должны поторапливаться. Барске читает "отче наш" и плачет. Он второй мужчина, которого я вижу плачущим. Женщины плачут уже не так часто.

Во второй половине дня прибежала наша соседка Агнес Дурава со страшной новостью: в Гростухене начались бои. Деревня Реков сдалась, там все погибли. Так же погибло всё народное ополчение под предводительством Дунзе.

На обочине дороги стоят два танка. Солдаты меняют гусеницу. Кто-то из женщин произносит: "Наверно, Бютов уже сдался." Тут вмешивается молодая женщина и энергично протестует: "Этого не может быть. Фюрер никогда не допустил бы этого. Бютов будут защищать, ведь там важная крепость."

Это услышали солдаты. Один из них говорит: "Дорогая, не рассказывай тут сказки. Мы сами только что из Бютова. В городе никого не осталось, мы последние." Наступила тяжёлая пауза.

Ближе к вечеру в небе появился русский самолёт и долго кружил над деревней. Один солдат говорит: "Это русский разведчик. Самое долгое через час здесь начнётся обстрел." Я в ужасе бегу к маме и прошу её скорее покинуть деревню, которая переполнена повозками беженцев. Передо мной проезжают повозки беженцев из восточно-прусской колонны. Многие из них испачканы кровью. Здесь много убитых детей, о которых рассказывала моя кузине Элла из Бютова. Я не хочу

умереть так, как это дети, как моя одноклассница Криста Гатерманн или как многие другие. Я не хочу умереть так бессмысленно и уж точно не сейчас. Но все мои уговоры, покинуть деревню напрасны, мама настаивает на своём.

Когда в небе послышался гул моторов самолётов мы кинулись бежать в небольшой домик, вокруг которого стояли 5 хорошо замаскированных сеткой цистерн. "Если в этих цистернах есть бензин, то здесь будет огненное море и мы все сгорим", говорю я. Но никто меня не слушает. Тут в дом врывается офицер с автоматом и бешено кричит на нас: "Вы что, с ума все походили? Здесь 25 тонн горючего. Если хоть одна пуля сюда попадёт, то сгорите все заживо. Быстро отсюда!" Он указал на бомбоубежище не далеко от дома. Однако, не смотря на его предостережения никто не пошевелился. Я был один из немногих, кто побежал туда, куда показал офицер.

Всё небо покрыто тяжёлыми чёрными облаками. Идёт снег и ничего не видать. В воздухе всё ближе слышится шум авиационных моторов. Этот гул приближается с каждой минутой. Там, за облаками, должно быть, летит целое полчище вражеских самолётов. Вдруг, всё вокруг меня начинает оглушительно взрываться, обломки деревьев и клочья земли посыпались с неба. Я споткнулся и упал в какую то яму. Должно быть это и есть то бомбоубежище, о котором говорил тот офицер. Тут я ощутил сильный удар в спину, кусок дерева попал мне в голову. Я почувствовал колющую боль в лице, и всё вокруг меня вдруг исчезло.

Очнулся я в незнакомом месте. Я почувствовал приятное тепло вокруг. Сверху на меня смотрят большие глаза. Это глаза коровы. Здесь же собака, которая сочувственно виляет хвостом. Я лежу в каком то сарае на сене. Вокруг меня стоят миски и тазики. Всё тело ломит от боли. Ноги и руки горят как в огне, а при любом движении боль отдаётся в лице. Кто-то рядом сказал: "Повезло же парнишке". Я пытаюсь понять, что же произошло, но снова забываюсь от сильной боли.

Вечером, когда снова пошёл снег, мы выдвинулись в дорогу. Деревня Ниппоглензе должна быть освобождена от гражданских. Я иду за нашей повозкой и держусь за верёвку, которая крепит брезентовую крышу к бортам. Все кто может идти, должен идти рядом с повозкой. Наша бабушка, не смотря на наши уговоры, не делает для себя исключений. Таким образом, мы защищены от мороза и болезней. Пока мы идём, мы не замёрзнем и не заболеем, говорит бабушка. Но я понимаю, что за всем этим стоит страх, что одно из колёс может сломаться или уставшие лошади больше не смогут тянуть и без того переполненную повозку. К тому же лошади уже давно не были подкованы. Из-за авианалётов мы не могли заехать к кузнецу. На заснеженной и обледеневшей дороге наши лошади всё чаще поскальзываются. Самой большой катастрофой для нас было бы, если одна из наших лошадей сломала бы себе ногу. Это означало бы для нас холодную смерть в занесённой снегом придорожной канаве.

Ещё никогда я не чувствовал себя так плохо. Мои силы полностью истощены. Каждый шаг доставляет мне мучительную боль. Ко всему добавляется невыносимая жажда. Наверно, я потерял много крови. Когда мы уходили из родной деревни, мы представляли себе множество трудностей, с которыми мы можем столкнуться на своём пути. Но никто из нас не представлял, какой мучительной может быть жажда, и что самое главное в дороге, это иметь при себе немного питьевой воды. Я буквально повис на той верёвке, за которую держался. Впервые ко мне приходит мысль сдаться, просто упасть и остаться лежать в глубоком снегу у дороги. Рядом со мной идёт наша соседка Линхен Вольфф и разговаривает со старым солдатом. Тот говорит, что идёт в соседнюю деревню, чтобы заступить там на пост, но он не знает ни названия этой деревни, нет у него и оружия. Каждый раз, когда мимо нас проезжают автомобили Вермахта, солдат протискивается к краю дороги и, похоже, желает остаться незамеченным.

Поместье Микров

Наша повозка движется очень медленно. В день мы проходим не более двадцати километров. На дороге давно уже не осталось ни указателей, ни названий деревень, ни других дорожных знаков. Все указатели были сняты солдатами Вермахта ещё в октябре 1944 года для того, чтобы лишить ориентировки вражеских шпионов и дезертиров. Солдаты сворачивают колонны беженцев с

главных дорог на просёлочные. Главные дороги остаются для передвижения военных. Они так же наиболее часто обстреливаются с воздуха. Колонны беженцев являются излюбленной целью самолётов, так как они не могут оказать сопротивления. К тому же разбитые повозки на узких дорогах создают большие препятствия для передвижения военного транспорта. Кроме того, хаос и террор являются неотъемлемой частью войны.

Мы движемся теперь по ночам, в непогоду и часто через леса. Только наша бабушка знает здесь каждую деревню, через которую мы проезжаем. Некоторые названия деревень мне запомнились: Будов, Муттрин, Микров, Цехлин.

Для ночёвки мы останавливаемся в поместье Микров. Это поместье скорее напоминает военный лагерь. Бабушка рассказывает историю из своей молодости. Когда она была молодой девушкой, она состояла компаньонкой в поместье Микров у графа фон Вольдек-Арнебург. Теперь, спустя 50 лет это знатное семейство идёт в одной колонне с другими беженцами.

За Микровым мы снова делаем остановку. На этот раз в доме крестьянского предводителя, или что-то в этом роде, у самой церковной площади. Как и прежде все комнаты переполнены беженцами. Высокий нацист, в безупречно выглаженной парадной форме СА горделиво вышагивает перед нами и злостно ругается на то, что мы, беженцы, насорили в его доме. Он говорит с нами так, как будто мы на пороге великой победы над врагом. Его оскорбительные речи остаются без внимания усталыми людьми. Я выбегаю из дома и бегу прочь, вдоль бесчисленных повозок и телег. Я надеюсь встретить кого-нибудь из знакомых, может быть кого-то из нашей деревни или моих школьных друзей, которых мне так не хватает. В глубине души надеюсь встретить моего отца, потому что иногда сквозь толпу проходят люди из народного ополчения. Но кругом на меня смотрят незнакомые, усталые лица, и на мой вопрос, есть ли кто из Гросстухена, люди лишь качают головами или вообще ничего не отвечают.

Так я пробежал пару километров и очутился за деревней. Солнце освещало покрытые снегом холмы. Тут моё внимание привлёк дым на горизонте. Пять чёрных столбов дыма поднимаются к небу, а над ними кружат самолёты, то и дело, входя в пике. Опять эти чёртовы самолёты! Я изо всех сил бросился бежать в деревню, чтобы укрыться в спасительном подвале. Задыхаясь от бега, я достиг церковной площади. Вдруг у меня над головой раздаётся страшный треск. Один единственный самолёт на бреющем полёте стал обстреливать крышу кирпичи. Посыпались осколки стекла и обломки деревьев. Большая ветка упала перед моими ногами. Я упал и затаился. Самолёт снова взмыл в небо, чтобы через несколько мгновений с новой силой обрушиться на нас. Я вскочил и побежал дальше. Ещё сотня метров и я буду в безопасности. Тут я услышал голос со стороны кирпичи: "Ради Бога, не беги. Ты с ума сошел! Падай на землю и ползи сюда". Я оглянулся, но никого не увидел, однако поступил так, как сказал голос. Тут из-за опорной балки выступил высокий худой солдат лет девятнадцати. "Будь осторожен и делай всё в точности как я. Это всего лишь один самолёт и он не очень опасен." Солдат объяснил мне, что это за самолёт, его тип и оснащение. Он может стрелять только вперёд и назад.

Если видать борт такого самолёта, то он совсем не опасен. Если только он летит прямо на тебя, то ты в опасности. Мы перебегаем от одной стены к другой, в зависимости от того, где сейчас самолёт. "Зачем он стреляет по кирпичи?", спрашиваю я. "Он думает, что там на крыше сидит наводчик, который по радиации сообщает артиллерии, где и сколько вражеских танков. Только тогда артиллерия стреляет". А он правда там на крыше?", снова хочу я знать. Солдат качает головой: "Нет, там уже давно никого нет. Все ушли". Я очень рад, что русский самолёт стрелял по нам, но не попал. "Ну, теперь ты можешь бежать к своей маме", говорит солдат. "Русский Иван расстрелял весь свой боекомплект, и вернётся теперь самое раннее через час". Я приглашаю солдата пойти со мной, вместо того, чтобы торчать здесь на холоде. Но он отказывается. Он просит меня, чтобы я никому не рассказывал о том, что я видел его здесь. Я обещаю ему и жутко горжусь тем, что прошёл настоящую военную подготовку у настоящего солдата в настоящих боевых условиях. Кому ещё из мальчишек могло бы так повезти?

Течёт кровь.

Деревушка Ну тоже вся забита беженцами. Некоторые телеги и повозки испачканы кровью. Даже лошади в крови. Я заглядываю в одну телегу и в ужасе отскакиваю. В телеге неподвижно лежат люди, все в крови. Из одного дома вышел военный в парадной форме войск СА и закричал на всю площадь: "Все беженцы, немедленно вон из деревни. Только из-за вас, чёртовых беженцев, мою деревню разрушат". Кто-то из толпы говорит, что может быть уже завтра он и его семья будут такими же беженцами, ведь русские уже совсем рядом. Но он кричит и ругается ещё больше: "Вон, все немедленно вон из моей деревни". Тут из одной залитой кровью повозки вылезают два мужчины. В руке у одного из них блестит большой охотничий нож. Военный не унимается: "Я вас всех под военный трибунал отдам". Через мгновение его голос оборвался. Мужчины вернулись к своей повозке и яростно ударили плетью лошадей. Теперь надо немедленно уезжать отсюда. Скорее, под покров спасительного леса. Как часто говорила моя бабушка: "Когда прольётся первая кровь, то никого уже не остановить".

Восьмого марта мы, наконец, добрались до местечка Карлхёс, где вышли на трассу Штольп - Лауенбург. Мы надеемся, что по большой главной дороге мы будем двигаться гораздо быстрее. Нам понадобилось больше часа, чтобы найти место в плотной колонне беженцев, движущихся в сторону Лауенбурга. Двойной колонной по дороге движется отступающая военная техника. Встречного движения уже давно не существует. Все отступают. На обочинах дороги лежит глубокий снег. Сама дорога расчищена от снега, но покрыта льдом. Не далеко от деревни Лангебёзе в одном поместье расположились человек 500 солдат в чёрных униформах. Наверно, целый танковый батальон. Командир произносит речь над тремя гробами. Это значит, что фронт и смерть где-то совсем рядом. Наверно, я единственный, кто обратил на это внимание. Никто больше не замечает ничего вокруг. Все погружены только в мысль о бегстве. Люди в глубокой апатии, даже военные. Не слышно больше ни команд, ни приказов. Только никем не произнесённое: спасайся, кто может!

В Бредине всё кончено.

На подступах к Лауенбургу все повозки и телеги должны покинуть главную дорогу. Мы снова сворачиваем на просёлочную дорогу. Перед наступлением темноты мы въезжаем в деревню Бредин, которая станет поворотным местом в нашей судьбе. Как обычно, мы идём рядом со своей повозкой. Справа от нас на краю деревни на расстоянии 100-200 шагов располагается пулемётное гнездо. Двое солдат за пулемётом дают длинные очереди. Кто-то спросил у них, зачем они делают это. Один из солдат махнул нам бутылкой шнапса и крикнул: "Не бойтесь, мы просто упражняемся". Люди немного успокоились. Я говорю: "Но зачем они упражняются боевыми патронами? Так не бывает. И зачем им сейчас тренироваться?" Бабушка отвечает: "Ты не поймёшь, ты ещё слишком мал. Ведь тебе всего десять". Позже выяснилось, что мы как раз находились на линии фронта, а солдаты вели огонь по наступающей русской кавалерии и пехоте.

Деревня была сдана к пяти часам вечера. Все запасы имеющиеся в деревне раздавались всем желающим. Каждый мог взять себе всё, что ему нужно. Солдаты, прежде всего, брали бутылки со шнапсом и пивом. Русские находились уже в трёх километрах позади нас, но об этом мы узнали гораздо позднее.

Поздним вечером нас разместили в местной брезинской школе. Старший учитель, пожилой господин с седой головой, лично раздал всем молочный суп и чай. Классные комнаты отапливались, а на полу лежала солома. Нам кажется, что мы добрались до рая. Многие просто плачут от счастья. То обстоятельство, что с наружи стреляют, уже никого не беспокоит. Я слышу голос своей матери: "Если мы сейчас же не уедем отсюда, то русские нас захватят". Но, не смотря на её предостережение, все засыпают.

10 марта 1945 года был судьбоносный для нас день. Мы просыпаемся под оглушительный грохот танковых орудий. На дворе уже наступил день. Мы все проспали. В классной комнате снова холодно. Окна покрыты толстым слоем льда. Я подбегаю к окну и своим дыханием отогреваю небольшую дырочку, чтобы посмотреть, что творится снаружи. В школьном дворе стоят два танка "тигр" и непрерывно стреляют. Через двадцать минут стрельба стихла. Танки разворачиваются и на большой скорости покидают школьный двор. Во двор вбегает группа смертельно уставших

солдат в белых маскировочных халатах. В руках у них фаустпатроны, гранаты, и карабины. Это, наверно, те солдаты, которые располагались в окопах перед деревней. Они отступают. Младшие офицеры рапортуют, а командир роты спрашивает: "Кого не хватает?". Ему отвечают: "Противотанковая группа под командованием Мюллера". Последнее, что я слышу: "Мы больше не можем их ждать. Отступаем в сторону Нойштадта!" и усталая группа солдат быстро удалилась. Я с испугом смотрю им вслед. Такой конец нашего Вермахта я не мог себе представить. Ведь наша армия была для нас непобедимой в воздухе, на суше и на воде. По крайней мере, так было написано в наших учебниках.

Мы наскоро едим и выходим из школы. На дороге царит хаос. Крестьяне, как сумасшедшие, бьют плетью своих лошадей. Кругом слышно: "Русские! Русские!" Это означает: спасайся, кто может! Согласно нашей договорённости, мы остаёмся в деревне. Сосед Дурава идёт, чтобы выяснить ситуацию и скоро возвращается с вестью: Русские в деревне! Он видел троих солдат. Это были последние немцы. На вопрос, что делать дальше, они ответили: "Ни в коем случае не выходите больше на улицу. Вы теперь в секторе обстрела русских танков, а русские стреляют по всему, что движется. Просто оставайтесь на своём месте. Мы только что подбили 3 русских танка, но за ними идут другие". С этими словами они убежали. Итак, решалась наша судьба. Знакомые нам беженцы, которые покинули деревню ещё утром, в конечном итоге добрались до Дании, потому что в городе Нойштадт немецкие войска ещё долго сдерживали русских.

Мы ищем пристанище и находим его в небольшом домишке рядом с кирхой. Жильцы либо ушли с другими беженцами, либо сидят где-нибудь в бомбоубежище. В комнате стол накрыт скатертью и на нем нетронутыми стоят торт и кофе. Наверно, здесь должен был быть праздник. Такую роскошь мы уже давно не видели, но никто из нас не притронулся к этой еде. Никто из нас не думает о еде. Мы все собрались в одной комнате, а именно: большая семья Дуровы, Пельцы и многие другие незнакомые люди, прежде всего женщины и дети. Мужчины остались в конюшнях, чтобы показать русским, что они не имеют ничего общего с войной и военными. Одна молодая женщина фанатично заговорила: "Наш фюрер сказал, что если русские не покинут территорию Германии сегодня до 12 часов, то он применит свое оружие расплаты". Дурава сказал, что в таком случае он должен поторапливаться, потому что у него осталось полтора часа. Подобные заявления можно слышать все чаще и люди начинают верить в это. Часто слышны высказывания, о том, что после поражения Германия снова станет большой и сильной державой. Молодая женщина говорит дальше, но ее никто не слушает. Это та же самая женщина из Ниппоглензе, которая хотела защищать Бютов. Госпожа Агнесс Дурава читает длинную молитву и просит спасителя Иисуса Христа защитить нас всех.

Я и мой брат Улла оббежали деревню. Мы встречаем двух мальчишек из колонии беженцев. У них в руках винтовка. Они быстро подбежали к кирхе и перебросили ее через стену. На встречу нам идет Лэди с цветной коробкой конфет и со словами "Кушайте ребята, кушайте. Все равно скоро все умрем!" Это были чудесные конфеты, каких мы даже никогда не видели. Мы удивились, почему это Лэди говорит о смерти, ведь он должен наоборот радоваться тому, что он теперь свободен и может возвратиться к себе на родину к своей матери. Его отца расстреляли большевики в 1930 году, потому что он не хотел вступать в колхоз, а его обе сестры уже 15 лет где-то в рабочем лагере. Очевидно, он знает, что грозит нам.

Смертельная тишина наполнила деревню. Где-то в 15.00 в деревню галопом въехали 2 всадника и ту же были окружены бывшими невольными работниками. Они долго и горячо спорят о чем-то, затем всадники прищипорили своих лошадей и ускакали прочь. Меньше чем через час вся деревня была заполнена русскими. Не смотря на строгий запрет бабушки я пробираюсь к окну, откуда я могу наблюдать, что происходит на улице и на дороге. Справа и слева по улицам идут колонной русские со стороны деревни Биркенхор. Напротив нашего дома располагается конюшня. Один русский солдат заходит в конюшню и выводит оттуда перед собой немецкого мужчину, который держит руки высоко над головой. Он становится лицом к стене. Русский обыскивает его и отпускает. Мужчина снова заходит в конюшню и исчезает среди лошадей. Следующий по очереди наш дом. Распахивается дверь и на пороге появляется молодой русский солдат с автоматом на изготовке. Он что-то зло говорит пленным работникам. Я пытаюсь разобрать его слова, но понимаю только слово "Пиво". Украинские девушки в ужасе. Они ничего не хотят говорить, а может быть и не поняли русского. Моя бабушка пытается переводить и в конечном итоге становится ясно: русский говорит, что он вернется через 20 минут и к этому времени для него должны быть

приготовлены 5 бутылок пива и девушка. Если всего этого не будет, то он всех расстреляет.

Понятный ультиматум победителя!

Но ни одна женщина не готова на это и пива у нас тоже нет. Наша бабушка единственная, которая не потеряла голову от страха. Все остальные бледны от ужаса. Бабушка думает, что русский забыл про нас и не придет более, но спустя час он снова вваливается в дом. Он рассматривает всех женщин и утаскивает одну из них с собой. Пиво он достал где-то в другом месте. Он уже сильно пьян.

Мучительно тянутся часы и снова появляются русские. На этот раз это несколько пожилых офицеров, вероятно, весь штаб. Они размещаются в соседних комнатах. Появляется высокий сержант и что-то нам говорит. Кто-то из украинских девушек переводит, и вскоре не справляется с задачей, однако это и не нужно. Сам тон, с которым говорит сержант и его движения показывают, что он хочет нас всех успокоить. Он говорит страстно, порой даже умоляюще, затем достает из кармана 2 яблока и в знак добрых намерений передает одно из них маленькой Лизелотте Пельц, которая сидит передо мной. Тут раздается чей-то голос. Это снова та фанатичная женщина: "Заберите яблоки у детей, они наверняка отравлены".

Русские приказывают нам забить гусей, которые находятся во дворе. Наша бабушка пытается объяснить, что сейчас в марте, гусяное мясо не хорошее, можно найти что-то более лучшее. Но они настаивают на том, чтобы мы сварили это мясо. Мы удивлены, насколько доверчивы русские. Я то и дело пробираюсь к двери и наблюдаю за ними. Они с серьезными лицами сидят за столом, склонившись над картой, освещенной керосиновой лампой. Изредка в дом входит кто-то с рапортом. Никто больше не входит к нам и первую ночь под господством русских мы проводим совершенно спокойно. Но, не смотря на это, никто не спит. Мы все лежим на кроватях в одежде и обуви. Всю ночь где-то вдали слышится канонада, стекла дребезжат. Изредка слышны выстрелы, иногда даже очереди из автоматов и пронзительные женские крики, которые вводят нас в ужас. Но русские штабные офицеры не обращают на все это никакого внимания. Они, похоже, давно привыкли к этому. Чувствуется резкий контраст между теми спокойными и дружелюбными офицерами, которые находятся в соседней комнате и теми ужасными событиями, которые происходят там с наружи, в деревне. Мы не можем этого понять.

Еще ночью среди нас выделяется, своего рода, совет по чрезвычайным ситуациям, который, собственно говоря, состоит только из господина Дурава и нашей бабушки. Это единственные люди, которые сохранили ясную голову. Мы хотим официально перейти под защиту Красной Армии и попросить что-то, вроде, сопроводительных документов, с которыми мы можем в безопасности вернуться домой. Мы все хотим возвратиться домой, кроме госпожи Пельц, которая все чаще говорит, что она боится возвращаться в родную деревню. Было ли это предчувствием смерти?

На следующий день мы обратились с нашей просьбой к русским офицерам и к нашему удивлению они отнеслись к нам дружелюбно и с пониманием, однако посоветовали нам немного подождать. Все дороги будут теперь заняты военным транспортом для марш-броска на Готенхафен. Кроме того, местность еще не под полным контролем русских. Мы не понимаем, что они хотят этим сказать, но вскоре мы узнаем, что это означает. Мы получили разрешение на возвращение домой в нашу деревню, и даже сопроводительное письмо с бесценной и решающей все печатью. Когда все уже было готово к отправлению, пришел Дурава с вестью: "Мы не можем выехать, Лэди, теперь самый важный из нас, не хочет. Он не желает возвращаться. Он боится". Все бывшие невольные работники собрались в сарае, спиртное течет рекой. Мама говорит: "Этого не может быть. Я сама должна поговорить с ним". "Ты с ума сошла", говорит Дурава, "Немецкая женщина среди пьяных русских?!" Но мама, не смотря на отговоры, идет в сарай. Я бегу следом за ней. В сарае на сене лежат 15-20 работников, среди них и Лэди. Кругом разбросаны бутылки из под шнапса и пива. Как только моя мама появилась в дверях все работники вскочили как по команде. Это было своего рода отдание чести женщине немецких кровей. Мама спрашивает Лэди: "Разве мы не едем домой?" Лэди немедленно залепетал: "Да, да, госпожа, домой. Я немедленно иду". На следующее утро в 11 часов мы отправились в путь, домой! Осознание этого разгоняет все страхи и опасения. Деревня полна проходящими русскими колоннами. Вдруг в небе появляются самолеты. Все залезли в страхе под повозки, только я остался стоять и крикнул: "Это немцы". Я отлично вижу свастики и даже головы пилотов. Ни со стороны немцев, ни со стороны русских не раздалось ни выстрела. На окраине деревни догорают три русских танка, которые были подбиты последними нашими солдатами. Танки горят небольшим синим пламенем. Я удивлен, что железо может гореть.

Мы идем нашей небольшой колонной в определенном порядке: в начале колонны движется повозка Дуравы, который довольно хорошо говорит по кашубски. Русские считают этот язык польским и понимают даже лучше, чем польский. Затем идет небольшая телега Пельца с малыми детьми и замыкает колонну наша повозка, которой правит Лэди. Женщины и молодые девушки укрыты в телеге под покрывалами. Таким образом, нам удается двигаться по территории, занимаемой русскими.

В горящем Лауенбурге.

На полпути в Лауенбург наша небольшая колонна остановилась. Навстречу нам идет босиком по снегу пожилая женщина. С растрепанными волосами, в разорванной одежде она выглядит совершенно сумасшедшей. "Люди, не езжайте в Лауенбург", - произнесла она заклинающим голосом. "Русские убили моего мужа и изнасиловали женщин. Я убежала. Там творится ад, все горит. Вас всех убьют!" Но, не смотря на ее предостережения, мы едем дальше, в лапы смерти. Мы встречаем еще несколько беженцев, которые идут пешком и сообщают нам ужасные вести. Все чаще я слышу слово, которое я не знаю: изнасилование. Наши повозки въезжают на небольшую горку, с которой перед нами открывается ужасная картина. Лауенбург превратился в одно огромное огненное море. Сегодня, 11 марта 1945 года, роковой день для этого города. Справа от Лауенберга к небу поднимаются черные тучи дыма, которые говорят о том, что горит нефть. В середине города огромные языки пламени вздымаются к небу. Только слева небо еще чистое. Кто-то говорит: "Нефтехранилище горит". У нас нет другого выхода, мы направляемся в горящий город. Кругом по пути нам попадаются трупы людей и животных, которые издают невыносимую вонь.

Нас задержали в середине города и направили обратно, во двор одного административного здания. наших работников украинцы и белорусы отправили на допрос. От их высказываний будет решаться: будем ли мы жить или умрем. Итак, мы ждем нашего приговора.

Я забрался в повозку и наблюдаю через щель в брезенте за происходящим. Через свою щель я вижу пять трупов, лежащих во дворе плотно друг к другу. Это первые мертвые, которых я вижу так близко: мужчины средних лет в гражданской одежде. Сапоги им зачем-то сняли. Кажется, что они просто спят. Мимо по большой дороге проезжают колонны новеньких грузовиков, полностью набитых красноармейцами и бесконечные колонны тяжелых орудий. В грузовиках среди русских часто видны женщины, порой молодые девушки 14-15 лет.

К нашей повозке подходит пьяный русский. Он размахивает большим револьвером и наводит его на висок моего младшего трехлетнего брата, который сидит на коленях у моей мамы. Все застыли в ужасе. Только мой брат дружелюбно и с интересом смотрит на русского. Это был немецкий револьвер из последней войны. Из такого же я тайком стрелял со своим соседом Райнхольдом Базовский. Пистолет заряжен и снят с предохранителя. Рука пьяного сильно дрожит. Я подался вперед к выходу из повозки с твердым намерением, если русский убьет моего брата, выхватить револьвер и направить его на убийцу. Мы с Райнхольдом часто упражнялись выбивать направленное на себя оружие. Я знаю, как это делать. К тому же русский пьян. В конце концов, не зря же нас учили в Гитлерюгенде стрелять во врага. Вдруг раздается выстрел в соседнем доме. На верхнем этаже открывается окно и голос выкрикнул русское имя Степан, или что-то в этом роде. Русский убрал свой пистолет и побежал прочь на голос. Никто из нас в последствии не мог бы сказать, как долго мы были под прицелом револьвера и сколько длился этот ужас в том дворе. Были ли это 20 минут или три часа? На пороге вечности пропадает чувство времени.

В пригороде Лауенбурга по направлению к Бютову наших бывших невольных работников снова допрашивают. Мужчины получили старые винтовки и были записаны в ряды Красной Армии, независимо от того, имеют ли они военные навыки. Позже Варка, как свидетельница, рассказала нам. Лэди сказал русским, что они тоже хотят примкнуть к Красной Армии, но прежде он должен отвезти домой немецких детей. Потом он прибежал к повозке, схватил свой узел с пожитками, который был всегда готов под сиденьем и со словами: "Мне пора. Они идут за мной..." убежал. Спустя несколько минут, к нашей повозке подбегают 2 русских с автоматами наготове и спрашивают, где он. Бабушка показывает направление. Раздается очередь из автомата. Лэди мертв!

Дорога назад.

Дорога на Бютов полностью обледенела. Наши лошади поскользнулись, и повозка стала поперек дороги. Мы пытаемся взяться за задние колеса и вручную повернуть повозку. Но, все напрасно повозка слишком тяжелая. Впереди на всем ходу к нам приближается колонна русских танков с закрытыми люками. Люки у них закрыты, потому что они каждую минуту ожидают встречи с врагом. Все, подумали мы, сейчас они просто собьют нашу повозку. Мы уже часто слышали о таких происшествиях. Но колонна танков останавливается и ждет, когда мы справимся со своей повозкой. Мы пытаемся вернуть ее в колею, но все напрасно. Через несколько мгновений в третьем танке, наверное, командирском, открывается люк. Из первого танка тоже показался солдат. Солдаты у третьего танка хотят знать, что случилось, почему колонна остановилась. Солдат у третьего танка что-то прокричал в ответ и показал на нас, детей. Тут из командирского танка выпрыгивают двое солдат, подбегают к нам, хватают нашу повозку за задние колеса и ставят ее на обочину дороги. Не успели мы справиться с испугом, как парни без единого слова забрались к себе в танк, задраили люки, и колонна танков двинулась дальше. Такое тоже было! Русские могли бы просто столкнуть нас с дороги, так было бы даже быстрее и проще для них. Эти солдаты остаются для меня героями и по сей день. К сожалению, на войне всё чаще видна черная сторона.

Не далеко за Лауенбургом русские забирают наших лошадей. Они уже и раньше часто пытались сделать это, но наши кони, почувствовав чужих, всегда ведут себя очень агрессивно и не позволяют кому-то дотрагиваться до них. Раньше их поведение доставляло нам массу забот, но теперь их дикий нрав был нашим спасением. На этот раз все вышло иначе. После того, как наши кони не позволили русским приблизиться к себе, один из них достал свою саблю и зарубил на месте одного из коней. Нам показалось, что это конец. Но нашему удивлению не было предела, когда русские отдали нам взамен двух новых лошадей. Это были совсем замученные и оголодавшие лошади. Кто-то говорит, что это литовская порода. Мы думаем, что мы не продвинемся и 10 метров с этими изнуренными и истощенными животными, но лошади отважно потянули слишком большую для них повозку. Мы часто кормим лошадей тем, что у нас еще осталось и пытаемся их беречь там, где это возможно. Таким образом, лошади снова набрались сил.

Дорогу назад выбирают исключительно Йозеф Дурава и наша бабушка, которые знают здесь каждую тропинку. Мы остаемся верны нашему принципу и избегаем главных дорог, двигаясь преимущественно по проселочным тропам. Следующая ночь проходит совершенно спокойно. В нашей повозке теперь совершенно чужие люди, среди которых полусумасшедшая пожилая женщина, которую мы подобрали по дороге. Она хотела пешком добраться до Бютова. На подходе к Брезину проходит молва, что русские будут стрелять по любой повозке, на которой нет белого флага. В один момент были разорваны все простыни и платки. Бабушка считает это глупостью и ничего не предпринимает. Белые флаги касаются только военных, а мы простые граждане, мы не сражались и нам не надо сдаваться. Наша повозка единственная, над которой не было белого флага. Но никого это не заботит. По дороге, однако, один русский спрашивает совершенно наивно, почему у нас нет белого флага. Бабушка качает головой и говорит по-русски: "не надо". Но солдат не отстает. Тут вмешивается молодой лейтенант, который на удивление хорошо говорит по-немецки. Первый раз мы говорили о войне с русским офицером. Нас интересует, прежде всего, один вопрос: Когда кончится война? Лейтенант отвечает: "Мы надеемся победить Германию до наступления следующей зимы". Мы удивлены. Бабушка говорит: "Но ведь мы уже побеждены". Русский качает головой: "на каждом шагу мы встречаем ожесточенное сопротивление. К тому же мы никак не ожидали, что у немцев есть такие запасы продовольствия. С такими запасами можно воевать еще довольно долго. У нас в России уже давно царит голод". В конце русский значительно добавляет: "Это будет последняя война!" Но наша бабушка возражает: "Войны всегда были и будут! С чего вы так решили, офицер?" Русский показывает на меня. Я стою неподалеку у обочины дороги и слушаю весь разговор. "Потому что на этот раз эти дети видели и пережили все войну. Раньше такого не было. Тот, кто еще ребенком пережил войну, больше не допустит подобного!" "Пожалуй, вы правы, господин офицер".

Перед деревней Гроссракит нам встречаются две повозки, в которых едут по одному мужчине. Они едут из Гданьска. Их семьи, а точнее только женщины и дети, были эвакуированы по морю. Мужчины должны были остаться. Теперь они возвращаются домой в Западную Пруссию. У них осталась только одна цель: скорее обратно домой! Мы удивляемся, что их телеги полностью

загружены. Мы просим их, чтобы они заночевали с нашей небольшой колонной. По их настоянию мы отправляемся на ночевку глубоко в лес. Мы въехали на лесную поляну и поставили пять повозок так, что они образовали своеобразную крепость. Из лесных камней мужчины довольно профессионально сооружают печку и разводят огонь. Каждый приносит к ужину что-нибудь особенное из еды. Наши продовольственные запасы еще не все истощены, поэтому ужин у нас получился как никогда роскошным. Мы забываем о войне, о том, что мы находимся теперь в расположении русских, и ночь проходит совершенно спокойно. На следующее утро наши двое спутников быстро собрались и спешно покинули нас, мы же остались в лесу до полудня. На землю опустился туман. Вдали послышались крики, ржание лошадей и удары кнута. Наверное, кто-то гонит скот. Бабушка говорит: "Как бы у нас не отобрали лошадей". Но как только мы подходим ближе, перед нами встает иная картина. Русские на лошадях гонят через лес немецких мужчин. Русские то и дело бьют кнутах мужчин, которые высоко над головой держат свои узелки. Бабушка спрашивает, есть ли кто из Бютова или Гросстухена, но не получает ответа.

Наконец мы добрались до Яссенского озера и деревни Яссен. Здесь мы чувствуем себя почти как дома, потому что эта деревня относится к району Бютов. Мы проезжаем через нетронутую войной деревню, в которой, однако, не видать ни души.

Не далеко от Клейнпомейске наша повозка утопает в глубокой грязи. Не смотря на наши усилия, мы не можем сдвинуть повозку ни на дюйм.

На подступах к Бютову к нам на встречу выходит группа мужчин с сине-бело-красными нашивками. Над головами у них развивается такое же знамя. "Это французский триколор", объясняет нам бабушка, которая знает просто все на свете. Мы немного успокоились, что это всего лишь освобожденные русскими французские военнопленные, которых мы давно уже не рассматриваем как врагов. Бабушка решает попросить их помочь нам с повозкой. В ответ мы получаем на безупречном немецком: "Так вам и надо. Чтоб вы все сдохли, немцы!". Остальные французы не кажутся такими враждебно настроенными, но все же не помогают нам. Вероятно, они побаиваются своего фанатичного командира.

В Помейске мы впервые встретили поляков. Они в военной форме и на головах у них конфедератки, четырехугольные шапки, каких я еще никогда не видел. Это польский милицейский контроль. Дурава со своим семейством может ехать дальше, потому что он выдает себя за кашуба. Он довольно спокойно говорит на их языке. Нашу повозку сопровождают на небольшую площадь. Поляки долго и основательно обыскивают нашу повозку, но ничего не берут, несмотря на то, что у нас есть много ценных вещей и продовольствия. У нас даже есть большой мешок сахара, целый центнер. Бабушка предлагает им колбасу, сало и сахар. Они могут взять себе все, что захотят. Но польские офицеры лишь качают головами. Они ничего не хотят брать от нас. Один из них посмотрел на нас, детей и говорит: "Вам все это еще пригодится самим!" Мы проводим ночь на загражденной забором площади. По крайней мере, этот забор может защитить нас от русских. Может быть, для этого поляки задержали нас на ночь. Мы в третий раз проводим спокойную ночь. На утро бабушка отправляется к домику охраны и спрашивает, можем ли мы двигаться дальше. Без единого слова поляки отправляют нас в дорогу. Теперь мы остались только с семейством Пельца. Обеими повозками управляет украинская девушка, а дорогу указывает, как и прежде, бабушка. Она не хочет въезжать в Бютов, потому что нам хватило пережитого в Лауенберге.

Мы уверены, что в Бютове так же опасно. Однако, на самом деле, все оказалось иначе. В этот день в Бютове не было ни единого русского. Да и вообще город был пуст. Если бы мы поехали через Бютов, то добрались бы до родной деревни на 2 дня раньше. Бабушка ведет наши повозки через леса, по проселочным дорогам. Здесь она знает каждую лесную дорогу, потому что сама она родом из Густкова. Иногда мы едем просто через поля, где нет никаких дорог. Таким образом мы двигаемся от Гросспомейске по полям в деревню Густков, затем через лес по направлению к деревне Дампен, потом снова по полям в Граменц и через борнтухенский лес в деревню Дамерков.

Только одного не учла наша бабушка, что после обильных снегопадов наступила оттепель и все дороги представляли собой непроходимую грязь, размешанную гусеницами танков и колесами тяжелых армейских автомобилей. Дело в том, что 8 дней назад здесь стояли русские перед захватом Бютова, и вся местность здесь представляет собой месиво грязи. Наши лошади уже не могут больше тянуть тяжелую повозку по лугам и глубокой грязи. Иногда мы застревали на

долгие часы. На одиноких крестьянских дворах и в Граменце нам не встречается ни души, лишь иногда мы натываемся на человеческие тела. В Дамеркове в будке железнодорожного смотрителя вдруг появляется русский с длинной винтовкой. Он целый час тщательно обыскивает маленькую повозку Пельцев, но ничего не забирает. В нашу повозку он даже не заглядывает. Мы снова двинулись в путь по проселочным дорогам. Недалеко от Тангена на дороге мы встретили одинокую повозку, запряженную двумя волами. Повозкой управляет мясник Мёллер из Гростухена. Мой школьный товарищ Зиги тоже здесь. Оба выглядят чем-то глубоко опечаленными. Они даже не сказали нам, что в их повозке едет наш почтальон Колберг со своей женой и детьми: дочками Бригиттой и Марго. Вскоре сильные волы опередили наших полуживых литовских лошадей и мы остались позади.

Вечером мы въезжаем в Танген. В деревне мы встречаем старую женщину с 6 или 8 детьми. Русских в деревне нет, поэтому мы решаем остановиться здесь на ночевку. На наши вопросы, где матери этих детей мы получаем расплывчатые, ничего не говорящие ответы. Мы узнаем, что сегодня ночью забрали всех мужчин. Им разрешили попрощаться со своими семьями и забрали в Сибирь. Неужели это правда, что нам рассказывали про русских! Неужели нам тоже грозит Сибирь!

В большой кухне стоят кастрюли с мясом. Наша бабушка следит за тем, чтобы мясо было хорошо прожарено, прежде чем мы его съедим. Она также не разрешает нам пить воду, но я все же тайком делаю пару глотков. Слишком велика жажда. В этот вечер у нас был бесподобный ужин. Спустя пару недель мы узнаем, что та женщина и все ее дети умерли от тифа спустя некоторое время, как мы с ней общались. Мясо и вода были заражены тифом. Несколько дней я страдаю страшным расстройством желудка, но инфекция не развивается. На следующий день в полдень мы отправляемся дальше. Мы решаем не ехать через Клейнтухен, потому что тогда нам придется ехать по железнодорожному мосту, а его, скорее всего, уже взорвали. Мы снова сворачиваем на раскисшую от оттепели проселочную дорогу и недалеко от озера Ланген снова застреваем в непролазной грязи. Лишь через несколько часов мы снова попадаем на дорогу Бютов - Руммельсбург. Теперь наша повозка с легкостью катится по сухой асфальтированной дороге. Наконец мы добрались до окрестностей Гросстухена. Мы догоняем пешего человека, тянущего ручную тележку. Бабушка останавливает нашу повозку и спрашивает его, не хочет ли он поехать с нами. Мы предлагаем ему довести его и его тележку до Гросстухена. Этот человек оказался поляком из Божистково. Больше нам ничего не понятно, потому что поляк то и дело бормочет что-то неразборчивое и отхлебывает шнапс из большой бутылки. Мы грузим его тележку в нашу повозку и едем дальше. Не успел поляк забраться на кучерское сиденье, как отодвинул Варку, забрал поводья и заявил, что наша повозка теперь принадлежит ему и что нам лучше убраться. С этими словами он как сумасшедший бьет наших ослабевших лошадей. "Так мы не договорились, дружок", сказала наша бабушка и подала мне знак, чтобы я отцепил его тележку и снял ее с нашей повозки. Но я испугался, потому что поляк мог иметь при себе оружие и застрелить нас всех. Тогда бабушка сама незаметно отвязывает чужую поклажу и спустя несколько минут стучит поляка по плечу, что бы тот повернулся и взглянул на дорогу. Как только он увидел свои пожитки лежащими на дороге, он вскочил как ужаленный, бросил поводья и плетью и побежал обратно по дороге за своей тележкой. Наверное, та маленькая тележка была ему намного дороже, чем вся наша большая повозка.

Наша бабушка немедленно берется за поводья и гонит лошадей. На нашу удачу дорога здесь идет под горку и лошади без усилий быстро поскакали. Я оглядываюсь и вижу, как поляк размахивает руками и ругается. И снова наша бабушка справляется с серьезной проблемой. Первые возвратившиеся в Гросстухен.

Наконец мы въезжаем в деревню Гросстухен. Невозможно описать то чувство счастья, когда после долгих страданий возвращаешься домой. Мы удивлены, что все дома стоят целые. Мы представили себе разрушенную и сожженную деревню. Только не далеко от земли Книттера у дороги лежит подбитый русский самолет, как свидетель боев. Я хочу взглянуть на этот самолет с близи, но моя бабушка строго-настрого запрещает мне приближаться к нему.

Из нашего опыта мы знаем, что такое езда в оттепель по проселочной дороге и поэтому решаем ехать до нашей земли через деревню по асфальтированной дороге, а не через поля мимо озера Ворлендер. К тому же мы опасаемся подорваться на неразорвавшемся снаряде или мине. Наверняка многие грунтовые дороги были заминированы. У моста через реку Каменц у аптеки, бабушка дает указание слезть с повозки и двигаться по мосту на расстоянии друг от друга. И

снова она думает обо всем. "Если что и заминировано, то это мост. Если мы первые, кто едет через мост на большой телеге, то мы очень рискуем", говорит бабушка. Но ничего подозрительного не видно. Мы, наверное, были первыми, кто въехал в деревню на тяжелой повозке через мост. Многие другие жители Гросстухена вернулись в деревню спустя месяцы пешком и без средств к существованию.

Спустя 3 дня на этом мосту на немецкой противотанковой mine подорвалась русская повозка. Лошади и солдат погибли. Тогда русские собрали всех немцев, успевших возвратиться в Гросстухен, и расстреляли ночью. Среди них было семейство Колберг. Перед смертью господин Колберг сказал: "Если вы хотите расстрелять нас, тогда сначала детей!"

Поляк Ян Крашевский, которого мы по неизвестным причинам называем Кони и который работал с 1939 года в деревне у немецкой семьи Дойбель, работал к тому моменту в русской комендатуре. Он применил все средства, что бы убедить русских, что "его немцы" не причастны к этому взрыву. Так семья Дойбель выжила.

Почему та противотанковая мина не сработала от тяжести нашей повозки, а взорвалась от маленькой телеги русских до сих пор остается загадкой современного взрывного дела, но не загадкой для нашей бабушки: "Господь нас уберег", сказала она на это.

По дороге мы внимательно рассматриваем каждый дом, мимо которого мы проезжаем: слева мясную лавку Мёллера, справа дом священника Пекера. Все дома имеют отверстия от множества пуль, у дверей лежат кучи обсыпавшейся штукатурки, разбитая мебель. Должно быть, здесь был тяжелый бой. На перекрестке мы останавливаемся у дома Шивельбеина. Бабушка говорит, чтобы я бежал к школе и посмотрел, есть ли там кто-то. В школьном дворе лежат горы тел в форме вермахта. Судя по ранам - это были раненные, которые были не расстрелянными, и забитыми насмерть. Я в ужасе бегу обратно к повозке, но не говорю ничего о своей страшной находке. Позже они сами все увидят.

Перед домом господина доктора Гартхуна лежит целая куча домашней утвари. Я пытаюсь отыскать книги, но нахожу лишь небольшую записную книжку с календарем за 1938 год в кожаном переплете. Я взял её с собой, из-за чего потом получил большую взбучку от бабушки, которая говорит, что это воровство. Она говорит, что я не могу взять что-то, что принадлежит кому-то другому. Я же убеждаю ее, что лучше я возьму что-то, чем русские или чем эти вещи пропадут на улице. Эта маленькая записная книга с календарем в последствии, на протяжении нескольких лет, будет моим верным спутником в различных лагерях принудительных работ и единственным источником немецкого печатного слова, ибо три года я не мог посещать школу.

Из трубы дома пекаря Борхардата медленно поднимается дымок. Наконец-то след живого человека. Мы останавливаемся, но затем не решаемся сразу войти в дом, потому что там могут быть русские. После долгих размышлений мы посылаем Варку, разузнать обстановку. Нам казалось, она не выходила из дома целую вечность. Тем временем я осматриваю местность. Памятник павшим в первой мировой войне, на котором написано имя моего деда, все еще стоит. Только орел, раньше украшавший этот памятник, лежит весь в следах от пуль в 5-ти метрах. Наконец появляется Варка. В руках у нее свежий, еще пышущий печным жаром хлеб. Борхардт недавно вернулся в деревню и печет теперь хлеб для русских. От него мы узнаем, что мы одни из первых, кто вернулся в деревню и что в здании почты теперь располагается русская комендатура. Мы удивлены, что в деревне есть так же польская комендатура, которая располагается в доме пекаря Домбровы.

Берлинцы выдают себя за поляков.

Сразу за евангелической Кирхой мы видим дом Лара, из трубы которого тоже идет дым. На этот раз мы подъезжаем к дому без страха. Бабушка вместе со мной заходит в дом. На кухне мы находим молодую женщину. "Штефани Гостомскис", удивленно вскрикнула бабушка. "Как вы, берлинцы, оказались здесь?" Семья Забишь относится к тем многим беженцам, которые укрываются в Гросстухене от налетов на Берлин.

Однако женщина довольно прохладно приветствует нас и объясняет, что они теперь поляки и не имеют ничего общего с немцами. Они заняли этот дом и намериваются жить в нем и дальше и заниматься сельским хозяйством. У бабушки отнялся язык от удивления. Затем бабушка говорит: "Но вы не можете так просто занять чужой дом. Когда вернутся настоящие владельцы, вы думаете, они будут работать на вас? И какие же вы поляки, если вы католики? К тому же вы, берлинцы, не имеете и не можете иметь понятия о том, как вести земельное хозяйство?"

Бабушку бесконечно удивляет, что берлинцы снова ведут себя как господа. Осенью, когда

русские вторглись в Восточную Пруссию и мы всерьез занялись подготовкой к предстоящему отступлению, эвакуированные из Берлина, среди которых была и наша родственница Ленхен Доберзальски, призвали покинуть Гросстухен, обосновывая это тем, что "вблизи к нашему фюреру мы в безопасности". Теперь же они бегут из Берлина и не хотят иметь ничего общего с фюрером. Не говоря ни слова, мы вышли из дома. Бабушка говорит: "Русские этого не допустят". Спустя месяц мы узнаем, что берлинцы собираются возвращаться в свой разрушенный город. Они не смогли прижиться в Польше и вести земельное хозяйство. Немец на службе у русских.

Когда мы выехали на Нойхюттенскую дорогу, мы увидели первый сгоревший дом в Гросстухене. Это дом Густава Крампа, в котором жила наша бабушка. Но даже это несчастье она с мужеством переносит. Из окна следующего дома по соседству с домом Крампа вывешен польский бело-красный флаг.

За земельным участком Мейера по дороге нам на встречу приближается пожилой мужчина. На рукаве у него красная повязка. "Это же Йозеф", радостно выкрикнула бабушка. Действительно, это Йозеф Гиржевский, наш сосед с Обермюле. Он тоже рад нас видеть. Он с гордостью сообщает нам, что русские назначали его помощником милиции в Гросстухене. Теперь он ищет себе новый дом, т.к. его дом в Обермюле сгорел дотла. Он хочет взять дом бывшего полицейского Анклема, потому что этот дом теперь лучше всего подходит для его нового положения. Мы считаем это абсолютно справедливым, к тому же Йозеф утверждает, что он не хочет у кого-то насильно отобрать жилье. Он подробно рассказывает о своем побеге в леса под Линденбург, о том, что и СС и русские хорошо относились к нему, о том, что было в наше отсутствие в деревне. Мы узнаем, что Обермюле и близлежащие дома были полностью разрушены. Кругом лежат трупы людей и животных. Он предупредил нас, что у нас на крыше лежит мертвый русский. Мы благодарим Йозефа за подробную информацию о ситуации в деревне. К тому же мы рады, что в деревне есть хотя бы один немец-полицейский. Бабушка говорит: "Йозеф, ты знаешь теперь, что тебе делать. Не забывай, что русские рано или поздно уйдут, а ты останешься жить с нами". Йозеф обещает, что не забудет это.

Потом наша бабушка еще несколько раз напоминала ему о его обещании. Однажды он сказал, что и его власть ограничена русскими. Незадолго до этого, русские задержали молодого парня в гражданской одежде, который имел при себе справку из СС о том, что он может носить при себе оружие и без униформы. "Если некоторые настолько глупы, что бы носить при себе подобные бумаги, то даже я не могу ничем помочь", сказал на это Йозеф.

Снова дома в Обермюле.

Наконец мы добрались до Обермюле. Перед нами предстаёт страшная картина. Большая мельница Барске лежит в руинах и догорает. Старинный дом разрушен так, что не осталось лежать камня на камне. Уцелели лишь пара подсобных построек и старый сарай. На дворе Обермюля я насчитываю 25 трупов лошадей. В саду у Пронжинского у дороги мы находим свежую русскую могилу с памятником и надписью "Полковник".

Мы останавливаемся у соседа Пельца. Вдруг, со стороны нашего участка через поля по направлению к нам стало что-то приближаться с сумасшедшей скоростью. Это был Пфиффи, наш пёс. Он радостно лает, прыгает перед нами, приветствует долгожданных хозяев. Мы тоже очень рады его видеть. 16 дней он охранял наше хозяйство и выжил не смотря на ожесточенные бои. Тогда, когда мы уходили в бега мы взяли Пфиффи с собой. Но когда мы отъехали от деревни, он вдруг побежал обратно исполнять свой долг - охранять наш скот. Он единственный из нас кто не оставил хозяйство.

Мы располагаемся на время у Пельца, потому как наш дом сильно разрушен из-за прямого попадания снаряда. Мы начинаем приводить наш дом в порядок. Вокруг валяется много военных отходов и мусора. В комнатах не осталось ни одного чистого уголка. На нашем участке я нахожу два места, где располагались пушки, кроме того гнездо пулеметчика и множество окопов. У одного из окопов я насчитываю 83 винтовочные гильзы. Кругом лежат артиллерийские гильзы, ящики из-под снарядов, ручные гранаты и другие боеприпасы.

Как раз здесь произошло главное направление удара 70-ой советской армии по направлению Реков-Пиашен. Почти все коровы на месте, нет только свиней, куриц и гусей. Мы немедленно приступаем к уборке и ремонту помещений. Прежде всего мы похоронили русского солдата, который лежал у нас на крыше. Немецкий артиллерийский снаряд разрушил нам половину дома и оторвал русскому полголовы и правую руку. Мы замотали его в брезент от палатки и

захоронили в лесу. Потом долго ещё мы будем находить на крыше маленькие кусочки костей убитого. На его могиле мама посадила листовенницу, редкое для наших мест растение, для того, чтобы эту могилу можно было потом найти.

Иногда к нам приходят русские и Йозеф Гиржевский со своим новым помощником, чтобы забрать женщин на работу в комендатуру. Бывшие невольные работники с Украины и Белоруссии должны ежедневно появляться в комендатуре и отмечаться. Они теперь считаются, своего рода, заключенными. Женщины разбирают железную дорогу между Бютовым и Руммельсбургом. Однажды пришел Йозеф Гиржевский и сообщил нам приказ русской комендатуры: "Все взрослые должны собраться в деревне. Кто не придет - будет расстрелян". Женщины еще задолго до истечения указанного срока собрались в деревне. Вечером они вернулись, неся в фартуках огромные куски мяса, которые раздал им мясник Мёллер по приказу комендатуры. Мужчины так и не вернулись. Их отправили в Сибирь. Среди них был и друг моего отца Альберт Метель. Я тайком проношу еду к заключенным в лагерь.

Несколько дней спустя, после того как мы вернулись после наших скитаний, моя бабушка спросила меня, может ли она доверить мне одно важное и секретное дело. Мама не должна что-то узнать об этом. Я должен очень осторожно пробраться на железнодорожную станцию, находящуюся в 3-х км от нас и передать там узелок. Что находится в этом узелке и кому он предполагается бабушка не сообщила. Узелок оказался очень тяжелым, наверняка там не картошка и не хлеб. Я тайком через всю деревню отправляюсь по важному поручению. И так, я ползу по-пластунски в придорожной канаве и тяну за собой секретный узел. Я учился так ползать в Гитлерюгенде. Но вскоре я устал так, что не мог больше продвинуться ни на метр. К тому же вся канава завалена всяким мусором и битым кирпичом. То и дело мне на пути попадаются мертвые лошади, собаки и прочий скот. Каждые 100 метров в канаве лежат мотки медной проволоки, которые остались от бывшей телефонной линии. Если запутаться в ту проволоку, то это будет равносильно тому, как попасть в капкан. Я перебежал через перекресток, затем незаметно пробрался через двор моего дяди Густава Крампа из дома которого, по-прежнему, торчит польский бело-красный флаг. Теперь я уже недалеко от станции. Вдалеке я заметил приближающийся автомобиль и кинулся снова в канаву. Слава богу, автомобиль пронесся мимо меня в сторону Руммельсбурга. Я остался незамеченным. Спустя несколько минут я оказался у моста, на котором мы так часто играли с ребятами. От этого огромного сооружения остались теперь лишь полуразрушенные опоры, перекрытия и столбы, разбросанные вокруг взрывом. Река Каменц почти перекрыта в этом месте обломками моста, но вода нашла новое русло. Прежде чем покинуть деревню, немецкие войска наспех взорвали мост, но русские соорудили три новые опоры из уцелевших деревянных балок и положили на них рельсы. Я удивлен, как это еще держится. По обломкам старого моста я без особого труда перехожу через реку. Все близлежащие строения имеют множество следов от пуль, а здание вокзала напоминает решето. Однако, дом Гаттермана уцелел. Вокруг никого не видать. Я затаился в канаве у сарая, где должна была состояться встреча и передача узелка. Спустя некоторое время я начинаю злиться на бабушку, которая послала меня сюда, потому что никто так и не пришел, чтобы забрать ее посылку. Я уже начал думать о том, как возвращаться домой, как вдруг из-за дерева неподалеку показалась тень и тихонько позвала: "Эй, парень, иди сюда". Я оглянулся по сторонам и побежал к тому мужчине, который показался мне знакомым. Это один из жителей Гросстухена, которого я пару раз видел вместе с моим отцом, но его имени я не знаю. Я поприветствовал его, на это он со страхом оглядываясь ответил: "Не говори больше "Хайль Гитлер!" Если нас кто-нибудь заметил, то мы оба пропали". Своими словами он очень обидел меня. Как будто я и сам не знал. Я и не собирался говорить это приветствие. Он схватил узелок. Похоже, он лучше меня знал, что там внутри. "Теперь со всех ног беги домой и поблагодари свою бабушку", сказал он и мы расстались.

Только много лет спустя мне стало ясно, что имел ввиду тот мужчина. Тогда я поприветствовал его словом "Добрый день", но при этом абсолютно произвольно взмахнул правой рукой в приветствии. Именно этот жест он увидел. Это была произвольная реакция при приветствии, от которого мы еще долгое время не могли избавиться. Ведь по-другому мы и не могли.

На обратном пути я осматриваю пустые дома. Я возвращаюсь опять по мосту по дороге на Нойхюттен и обращаю внимание на землю семьи Лабун. Может быть там кто-то уже вернулся. Но прекрасный дом стоит пустой. Кругом во дворе разбросана мебель, весь дом в грязи. Недалеко лежат 5 тел немецких солдат, до сих пор не похороненных. Я с интересом рассматриваю их. Я

захожу на разрушенную мельницу Барске и ищу в развалинах полезные вещи, например, инструменты или иголки. Теперь инструменты особенно нужны, потому что многое нужно починить. Спустя несколько часов я возвращаюсь домой, где меня встречает с озабоченным видом бабушка. Она уже думала, что меня поймали русские. "Ты передал посылку? Все в порядке?", накинулась на меня бабушка с расспросами. "Для меня это пустяки, я все сделал как ты сказала". Я подробно рассказал бабушке все как было, только не упомянул о моем произвольном нацистском приветствии. Бабушка опустила на колени и потом еще долго произносила длинную молитву.

Нашу соседку расстреливают.

24 марта в полдень появились двое русских, которые произвели на нас нехорошее тревожное впечатление. Украинская девушка Варка, которая все еще работает у нас, моет посуду после обеда. Все остальные сидят за столом. Это видит один из русских, который едва говорит по-немецки и начинает грязно ругаться. Теперь немцы должны работать, а русские отдыхать. Как и прежде в критических ситуациях наша бабушка сохраняет ясную голову и твердым голосом спокойно отвечает: "Мы всегда работали вместе с русскими и будем делать это и далее. Поэтому ничего не нужно менять!" Тут русский становится красным от ярости, хватается за свою винтовку, но вдруг остывает и замолкает. Другой русский спрашивает, что сказала бабушка. Первый отвечает: "Правду сказала. Против этих немцев я ничего не имею!" И оба исчезают так же внезапно как и пришли.

Во второй половине дня от соседа Пельца прибегает украинка Анна вся в слезах и в панике. У нее такая истерика, что ничего нельзя понять, что произошло. Когда Анна пришла в себя она рассказала нам страшную историю. Осенью 1944 года в хозяйстве у Пельцев работал русский военнопленный, Иван, который спустя некоторое время бежал, но был пойман. Теперь он вернулся, чтобы совершить месть. Он убил молодую фрау Пельц за то, что она якобы подала его в розыск. Он поставил ее, женщину на 9 месяце беременности у кучи навоза и выстрелил из ружья ей в голову с расстояния 1 метра. Пуля попала ей в висок и пробила весь череп. Фрау Пельц скончалась на месте. Тогда Иван сел на свой велосипед и насвистывая известную тогда песню "Подари мне свою улыбку, Мария!" уехал прочь из деревни.

Я бегу с Анной обратно. Фрау Пельц уже отнесли в большую комнату. Она выглядит так, как будто она спит. Она выглядит страшно толстой из-за своего живота. Ее маленькая дочь Лизолетта то и дело подбегает к своей мертвой матери, гладит ее и жалобно просит, чтобы она скорее проснулась. Дурава отправляется к коменданту, чтобы сообщить о случившемся, но тот говорит, что мы должны похоронить ее у себя во дворе и чтоб об этом никто не знал. На следующий день состоялись похороны. Мы делаем гроб из большого шкафа для одежды. И снова я помогаю рыть могилу.

Наступил апрель с новыми событиями. Но многие из этих событий больше не тревожат нас, потому что за это время мы почерствели чувствами. Наверное, теперь ничего не может нас удивить и шокировать. Наша украинская работница Варка и работница Пельцев Анна, которые проработали у нас более 3-х лет со слезами покидают нас. Они пешком направляются к себе на Родину и уже знают, что там их ожидает тюрьма или лагерь. Их нахождение в плену у немцев рассматривается советскими властями как добровольное сотрудничество с фашистами.

В апреле к нам в гости приезжают первые немцы, возвратившиеся из бегов: Альберт Глишинский со своей женой Мартой из Пишена, затем ребята мельника Бёзе из Цеммена. Фритц Шамун со своей дочерью приносит нам последнюю весточку от нашего раненого отца. Русские сжигают дом нашего соседа господина Базовски. Они боятся, что заброшенные дома могут служить укрытием для партизан и бежавших пленных. Русские страшно боятся немецких партизан. Все чаще мы встречаем беглых солдат.

Продолжается демонтаж железной дороги между Бютовым и Румменсбургом. Иногда высоко в небе мы замечаем немецкий самолет. Это реактивный самолет, который пролетает над нами ровно в 9.00. Это продолжается до 9 мая. То, что к этому моменту закончилась вторая мировая война нам станет известно лишь осенью 1945 года. Но для нас это не имеет уже никакого значения. Зачем нам такой мир, который не приносит ничего кроме страданий, тяжелых лишений, голода, новых жертв.

Во время очередной охоты русских на женщин и молодых девушек меня берут в заложники.

Ультиматум такой: или я говорю где прячутся мои сестра и мать или меня расстреляют. Это было так. Снова злобно лают соседские собаки. По направлению к нашему дому почти бегом

направляются двое русских. Один из них вытаскивает огромный старый револьвер и направляет его мне в грудь. Они довольно ясно дают мне понять, что я должен отвести их к женщинам, иначе они расстреляют меня. То, что они действительно на это способны не вызвало у меня никакого сомнения, ибо уже несколько раз я был свидетелем подобных случаев. Я соглашаюсь отвести их, а сам в голове держу единственно верную мысль: отвести обоих в противоположном направлении от того места, где укрывается моя мама и тем самым как-то выиграть время для дальнейших действий. Итак, я веду их по направлению к Францвальде (Пиашен). По дороге я намериваюсь бежать. Я довольно быстро бегаю и смогу, петляя как заяц, вернуться между деревьями от пули, если русские действительно будут стрелять. Но мой план побега так и не удался. Русские всю дорогу держали меня на мушке и каждые 100 метров обещали пристрелить меня, если я только сделаю неверное движение. Так мы дошли до самого леса. Я здорово разозлил их тогда.

В конце мая до нас дошла весть, что в деревню вернулся наш учитель господин Маус со своей женой, невесткой и внучкой со своей семьей. Для нас это большое событие. Нам интересно, как к нему отнесутся русские и поляки, потому что всем было известно, что он был не только учителем, но и ярким противником Гитлера. Нам интересно, признают ли наши новые хозяева его убеждения. На следующий же день бабушка послала меня к ним с огромной корзиной продуктов и молока.

Русские забрали у нас все 20 кур, но оставили одну еле живую хромую корову, которую мы так бережем и которая дает нам каждый день немного свежего молока. Ранним утром я отправляюсь в дорогу. Чтобы избежать польскую и русскую комендатуры, я двигаюсь по проселочной дороге вдоль озера Ворлендер и мимо земли семейства Каутц. На окраине деревни я нахожу дом, в котором остановилась семья господина Мауса. Они все еще спят, лежа на сене в большой комнате. После того, как я передал им корзину, учитель Маус вывел меня во двор, где у нас состоялась долгая беседа с глазу на глаз. Я передал ему слова бабушки, что если он не найдет более подходящего жилья, то он может со своей семьей переехать жить к нам. У нас много места и довольно спокойно. Спустя 3 недели учитель Маус был арестован и отправлен в тюрьму в Бютов. Когда его отпустили, он пришел к нам до неузнаваемости избитый. Мы перевезли его в безопасное место.

В июне мы укрываем троих немецких беглых солдат из Готенхафена. Одним солнечным воскресным утром у нас состоится еще одно погребение. Дядя Густав который недавно пешком вернулся в деревню со своей женой и семьей Биастох из Линовитце, копает могилу. Я снова помогаю. Собралась вся наша большая семья. Бабушка прочла погребальную молитву и все запели. Бабушка, мама и тетя Мина - первоклассные певицы, которые раньше даже пели в хоре. Наверное, не многие русские были так торжественно погребены. Теперь у нас на нашей земле 2 русских могилы, а на земле соседа Дуравы их целых 5. Мы ухаживаем за этими могилами, как будто это были погребены наши родственники. Скольких мы уже похоронили с марта 1945 года! Русских, немцев!

В то время наша семья насчитывала следующих членов: Оттилие Радде, урожденная Добрезальске с дочерью Минной Раде, проживавшая в Гроссетухене в доме рядом с Густавом Крампом; Эмма Раде, урожденная в Шюту (из Клейн Массовитца) супруга Пауля Радде с детьми Эдитой (теперь Эдит Ульрих, проживает ныне в городе Акен), Карлом Г., Ульрихом (погибшим в 1945 году в возрасте 16 лет), Гейнцем (ныне проживает в городе Кюттинген в Швейцарии), а так же Хелен Биастох, урожденная Радде, жена Эрнста Биастоха (из Цеммена) с детьми Трауте (ныне Гейзлер, проживает в г. Шмальцероде) и Карлом Гейнцем (проживающем ныне в городе Галле / Заале). Мы все проживали тогда в деревне Гросстухен в большом доме не далеко от дороги на Нойхюттен.

Наши дела в Обермюле шли хорошо. Мы жили в окружении наших верных друзей не далеко от Пиашена (Францвальде) и Цеммена, где живут только старые знакомые, и чувствовали себя на своем крестьянском дворе на берегу реки как у Христа за пазухой, не знали ни голода, ни холода. Мы были сами себе хозяева и вели свое хозяйство по своему усмотрению. Бабушка, Оттилие Радде возглавляла все наше хозяйство. Наша земля не представляла интерес для поляков, потому что все строения были старыми, а дом был сильно поврежден артиллерийским снарядом. К тому же вся местность была усыпана не разорвавшимися снарядами, минами, военным мусором, изрыта окопами и воронками. Все это потому, что это наш дом стоял на том участке фронта, на котором 70-ая советская армия после трехдневных ожесточенных боев совершила

прорыв по направлению Реков-Пиашен-Гросс Массовитц. Об этих событиях напоминало все состояние нашего хозяйства. Но на других крестьянских дворах в Гросстухене можно было повидать и худшее.

Спустя год все изменилось. В сентябре 1946 года были введены принудительные работы для всех немцев, включая детей, достигших 10-ти летнего возраста. Вместе наша семья представляла рабочую силу в составе 7 человек; 3-х женщин и 4-х детей. Мне к тому времени уже было 10 и я был привлечен к работе. Нам повезло с работой. Который день я отправлялся со своей 13-ти летней кузиной на работу, которая находилась в 2-х км от нашего дома. Рабочий день начинался в 6.00 и заканчивался в 22.00. Я работал пастухом у семьи Броджа на дворе, принадлежавшем раньше Эмилю Польцину. Я пас всего одну единственную полуживую корову, а скорее пас ее мой надежный пес Тэдди. Мы с Паульхен Микли отправлялись с "нашими коровами" на пастбище в Нойхюттен, там играли в войну с настоящими немецкими касками и русскими разбитыми автоматами. Мы играли в войну так, как пережили ее тогда, в марте 1945 года будучи беженцами. Иногда мы били Казимира Роггенбурга, соседского мальчишку, который хотел, чтобы мы делали все так, как хотел он, лишь по тому, что он поляк, а мы всего лишь немцы. Затем, правда, мы снова мирились и строили грандиозные планы развития мира, где не будет места другим великим державам кроме Польши и Германии. Это было захватывающее время для нас, мальчишек. Иногда к нам приходила 15-ти летняя Рут Лабун, которая выполняла у польского коменданта самую тяжелую и грязную работу. Мы вместе говорили о Боге и о мире. Частенько она высмеивала нас из-за наших великих планов.

Мне было хорошо. У семьи Броджа не было своих детей, поэтому для них я был почти родным сыном. У меня было столько свободы, о которой можно было только мечтать, часами я мог заниматься всем, чем я хотел, например, читать книги. Они сохранили все немецкие книги, которые были конфискованы у семьи Польцин. Ежемесячно я даже получал небольшую зарплату в злотых. Ни один немец больше не имел столько свободы и столько привилегий. Тяжелее всего приходилось моей кузине Трауте у деревенского милиционера.

Зимой выпало много снега. Иногда даже случались большие снегопады. Когда снег начинал таять, то мы не могли выходить из дома, потому что кроме деревянных самодельных ботинок у нас ничего не было. После русских, а потом польских грабежей обуви совсем не осталось. Сырой снег комками налипал на нашу обувь и мешал ходить. Боясь опоздать на работу, мы часто по талому снегу в одних носках отправлялись к нашим хозяйствам. Сегодня мы знаем, откуда у нас ревматизм.

Однажды пан Броджа заметил, что не хорошо, что мы не умеем говорить по-польски. Я должен был начать учить польский. Но для меня в то время это было даже лучше. Когда я хотел, пан Броджа преподавал мне польский язык. Он действительно делал это только тогда, когда я сам хотел этого. А я действительно хотел. Так у меня начались настоящие "уроки польского". Первое, что я выучил, было: "Chodz na obiad" (Иди обедать) и осталось в душе ассоциацией с этим поляком. Сам он в 1939 году выучил первое немецкое предложение: "An die Arbeit, marsch, marsch!" (За работу, марш, марш!). Он научил меня многим полезным вещам; прежде всего как выжить, будучи принадлежащим к той нации, которая была ответственна за Аушвиц и Штуттхоф. Но даже он не мог защитить меня от польских мальчишек, которые били меня именно за это. Теперь и наш старый полуразрушенный дом был занят поляком. Это был Йежи Б., польский немцененавистник. От него мы впервые в 1946 году услышали о таких страшных вещах, как концентрационный лагерь и лагерь для принудительных работ, которые якобы построили немцы. Мы уже слышали пару раз об этом от поляков и русских. Когда мы разговаривали с русскими солдатами о войне, то мы все время удивлялись тому, что они говорили, что насилие есть везде. Еще в последние весенние дни у нас у дома появился молодой русский сержант с группой хорошо вооруженных подозрительных красноармейцев. Он сказал тогда нашей бабушке: "Гитлер капут - это гут, но Сталин еще нет - жди новых бед!"

Наш Йежи говорил, что он был в концлагере и после его освобождения участвовал во взятии Берлина. Он так же хвастал, что в бою он не брал немцев в плен. За это мы его не любили и считали лжецом. Мы, десять человек, должны были разместиться в двух комнатах, в которых уже завелись крысы. Вот уже почти два года мы не ходили в школу. По воскресеньям мама устраивала, своего рода, воскресную школу. Мы с жадностью разучивали церковные песнопения и немецкие произведения. Настоящих уроков, которые нам давали господин Маус, господин Зордату и фрейлейн Швихтенберг у нас, конечно, не было. Потихоньку заканчивались наши

запасы продовольствия, изнашивались последние одежда и обувь. Только польский бургомистр выделял нам иногда полмешка муки. Пока он служит бургомистром в Гросстухене, ни один немец не будет голодать, говорил он. Для нас было непостижимо слышать это от представителя новой власти, который сам в свое время был заключенным в немецком концлагере Штуттхоф. Прощание с Гросстухеном.

Для нас с каждым днём становилось явно, что нам придётся покинуть родные места, если мы не хотим жить в качестве узников и невольных работников в Польше. На нашей 800 летней немецкой Родине мы больше не чувствовали себя дома. Все выгодные предложения признать себя поляками были категорическим образом отвергнуты моей мамой. Совершенно неожиданно мы получили извещение в обязательном порядке покинуть в течение двух дней деревню. Отъезд был запланирован на 16 декабря 1946 года. Йозеф Дурава, наш кашубский сосед и верный защитник во время наших скитаний в марте 1945 года, помог нам добраться до районного центра, города Бютова. На каждого человека разрешалось взять 25 килограмм багажа.

В последнюю ночь никто не спал. Даже наш поляк Йежи, которого как будто подменили, всё время сидел с нами и сказал, что тоже отправился бы с нами. Он зажарил своего последнего гуся, чтобы нам было, что взять с собой в дорогу. При прощании он даже прослезился. "Мы не хотели этого", сказал этот немцененавистник.

Ранним утром в 4 часа мы, ещё в темноте, выехали со двора. Падал снег. Мы, дети, должны были пешком отправляться в Бютов, который находился в 20 км от Гросстухена. Мы представляли собой колонну, построенную по росту и нагруженную поклажей. Впереди шла моя кузина Трауте Биастох. Она запела несню "Прощай мой милый край", которую все мы, благодаря нашему учителю Маусу, знали наизусть. Замыкал колонну мой брат, которому к тому времени не исполнилось ещё и пяти лет. Он волочил за собой как санки мой старый школьный ранец, потому что для того чтобы нести его за спиной он был ещё мал.

Когда я спустя 12 лет вернулся на свою Родину, наша соседка Анастасия Ястжемская, украинка, угнанная немцами в 1942 году в возрасте 16 лет в Гросстухен на работы, наблюдавшая за нашим отъездом, сказала, что она не видела ничего печальнее за свою жизнь. Три дня потом она плакала и приговаривала: "Ведь нельзя так поступать с немцами!" Мы воспринимали эти события не так трагично, скорее наш отъезд мы принимали как неизбежную судьбу и были горды тем, что в то время мы остались немцами!

В Бютове нас весь день и всю ночь продержали при нулевой температуре на улице. В те дни начались морозы, которые потом были признаны самыми суровыми за последнее столетие. Последние Злоты были потрачены на водку, единственное, что можно было купить в то время. Приходилось пить водку из медицинских соображений. Дети тоже получали свою порцию, чтобы как-то защититься от холода и тифа.

Вечером нас всех с багажом согнали на главную площадь, где располагалась небольшая трибуна. С этой трибуны комендант города, невысокий мужчина, резко жестикулируя, произнёс перед нами прощальную речь, которая начиналась словами: "немецкие свиньи...". Затем началась травля всего немецкого. Кто-то из нашей толпы крикнул: "Не слушайте его! Не позволяйте спровоцировать себя...". Несколько часов назад, когда отправлялась предыдущая группа немцев, одна молодая немка на слова коменданта крикнула: "Ну, ничего, подождите. Вот только наши мужчины вернутся из плена...", за что была расстрелена. Так обходилась с немцами новая власть, которая называла себя народной. Но мы, молодые люди, внимательно слушали всё, что говорил этот человек и запоминали его, для того чтобы потом вернуться с мстью. Мы поклялись в этом...

Ночью началась проверка нашего багажа. В результате у нас не осталось ни одеял, ни прочих тёплых вещей, которые были нам так необходимы в эти морозные дни. Нам оставили только то, что было на нас.

Утром нас перегрузили в грязные вагоны для скота: в каждый вагон по тридцать человек с багажом, где небольшое вентиляционное отверстие было закрыто колючей проволокой. Теснота была страшная. По началу было ещё немного тепло, потому что в каждом вагоне была небольшая печурка со скромным запасом брикетного угля. Но уже в первую же ночь мы сожгли весь уголь. Стало ужасно холодно. Внутренние стены вагонов покрылись довольно толстой коркой инея. Так целых 8 дней и ночей мы провели в нашем "холодильнике".

Иногда на соседнем пути останавливался поезд с открытыми вагонами полными угля. Тогда мальчишки выскакивали из вагонов и, как можно скорее, перебрасывали немного угля в наш

вагон, пока один из поездов не начинал двигаться дальше. Это было очень опасно, потому что по нам могли в любую минуту стрелять.

Наш поезд двигался через Конитц и Шейдемюль к Позену. Здесь наш поезд остановился на производственной станции для ночёвки. Двое польских милиционеров, сопровождавших наш поезд, предупредили нас, что здесь частенько происходят нападения и грабежи со стороны демобилизованных русских солдат. Особенно часто они нападают на немцев, выгнанных с Польши. Против них поляки, якобы, ничего не могут поделывать и поэтому уйдут на ночь в локомотив. Мы сами должны как-то защищать себя.

Среди нас в вагоне было только двое взрослых мужчин, это братья Шамун из Цеммена. Они немедленно принялись организовывать защиту. Каждый из нас, мальчишек, получил своё определённое задание. Я занял свой пост, который располагался на мешках у окна, перетянутого колючей проволокой. Из этого маленького окошка я мог наблюдать, что творится снаружи, на станции. Спустя несколько часов на станции началось еле заметное движение. Я взглянул на часы, которые висели на здании вокзала. Было ровно 0.05 часов. Группа из 8 или 10 пьяных русских, которые были вооружены пистолетами, стала быстро приближаться к нашему поезду. Они направились как раз к нашим двум последним вагонам. Я забил тревогу. Каждый занял свое место. Пять минут спустя начался "бой". Русские попытались сломать запор на нашем вагоне и открыть дверь, но мы крепко закрепили ее. Снаружи раздались крики и ругань. Где-то неподалеку в спящем городе раздавались выстрелы. "Откройте или мы будем стрелять", по-русски закричал кто-то. На этот ультиматум мы не произнесли ни слова. Попытки открыть дверь снаружи продолжались, в ход пошли железные пруты. Но, их усилия были безрезультатными. Наше сопротивление было крепким, хотя некоторые из нас из страха, что русские и вправду будут стрелять, хотели уже сдаться.

Наш расчет заключался в том, что русские вряд ли откроют стрельбу ночью на станции, ведь многие поезда имеют хорошо вооруженное сопровождение. Даже если бы они и стали стрелять, то пули вряд ли пробили бы толстые стенки вагона. Наши предположения оказались верными. Спустя несколько минут с руганью о немецких "фашистах, которые все еще оказывают сопротивление" русские ушли. Они больше не пытались повторить свое нападение на другие вагоны нашего поезда. Когда они ушли вокзальные часы показывали ровно 1.10 часов. Наша оборона успешно продержалась целый час. После того, как русские ушли, никто не спал, вахта у окна продолжалась до самого утра. Но нас уже никто не побеспокоил. Единственное, что можно было взять у нас в ту ночь, это честь наших женщин. Мы все были очень рады, что хоть в эту ночь мы победили русских. Так в то время думали мы, мальчишки.

Поезд вез нас дальше, на юг. Приближалось Рождество. Польская милиция, сопровождавшая наш поезд, все чаще стала появляться в нашем вагоне. После нашего столкновения с русскими, которое мы перенесли в Позене, они как-то больше стали нас уважать. Кто бы мог подумать, что всего лишь два мужчины и пара мальчишек смогли отбить нападение хорошо вооруженных русских. Было видно, что они были рады за нас. К тому же наш вагон был, наверное, единственный, в котором благодаря нашим вылазкам за углем было немного тепло. Это случилось где-то в заснеженной Нижней Шлезии. Настроение у всех нас было на нуле. Уставшие, голодные и холодные мы лежали в нашем вагоне. Мы скорее напоминали скот, чем нормальных людей. Все молчали. Каждый думал о том, что ему пришлось оставить: родную деревню, хозяйство, могилы родных. И самое главное, мы уже оставили надежду на возвращение. Вдруг в соседнем вагоне раздался мужской голос. Я думаю, что это был голос господина Месага из Меддерзина. Он пел рождественскую песню. Кто-то тихо подхватил песню, затем громче, затем пели уже все в вагоне. Через несколько мгновений пение распространилось на весь наш поезд. Мы пели несмотря на 20-ти градусный мороз, несмотря на долгую поездку без теплой пищи и одежды. Оба польских милиционера, сопровождавших наш поезд перепугались. Пение немецких песен было запрещено строжайшим образом. "Это рождественская песня. Пусть поют", решил старший по званию.

Мы без перерыва ехали через заснеженные поля. Я часами сидел у окна и разглядывал заснеженный ландшафт. Невозможно было различить ни дерева, ни куста. Наш поезд ехал на юго-запад, иногда прямо на юг. Кто-то высказал предположение, что нас везут в Сибирь, а не через Одер, как нам обещали. Каждый из нас тогда панически боялся Сибири. Мы знали, что уже многих жителей нашей деревни, несмотря на то, что они не были военными, забрали именно туда. Например, господин Метел из Гроссстухена, а также женщины, матери многодетных семей,

16-ти летние девушки из Раденсфельде и многие из Гросс Массовитца. Может быть нас тоже везут туда?! Иногда за окном я видел деревушки. Большинство домов в них были полностью разрушены, лишь печные трубы возвышались над заснеженным пепелищем. Невозможно было понять, были ли это немецкие, польские или украинские хаты. Судя по расположению солнца всё говорило о том, что мы действительно едем в Сибирь. Нам казалось, что мы едем навстречу солнцу, это значит на восток. Но мы ошибались, потому что декабрьское солнце не поднималось высоко от горизонта. Поэтому с трудом можно было различить, где восток, а где юг. К тому же поезд ехал медленно и часто сворачивал на однопутные пути. Поэтому какое-то время мы действительно ехали на восток.

Довольно опасно было, когда поезд останавливали где-нибудь посреди заснеженного поля. Это могло длиться несколько минут или несколько часов. Никто не знал сколько мы стоим и об отъезде никто не сообщал. На подобных остановках мы, ребята, выпрыгивали из вагонов и бегали вдоль поезда, чтобы немного согреться и размять тело. Когда поезд снова трогался, мы бежали к своим вагонам и на ходу запрыгивали в них. Так однажды один пятилетний мальчик, не смотря на все запреты слишком далеко отбежал от поезда. Вдруг поезд тронулся и быстро поехал прочь. Он не успел добежать до поезда и остался стоять посреди утонувшей в снегу местности. Так еще одна семья захлебнулась от слез горя.

Иногда я целыми днями не отходил от своего маленького окошка. Обессиленный от голода и холода, я едва мог держаться, чтобы выглядывать наружу. Мучительную жажду утоляли лишь сосульки, свисавшие с крыши вагона. Так я часами наблюдал бесконечную снежную пустыню. Каждый из нас чувствовал, что его силы на исходе. Вдруг, как долгожданный оазис в пустыне, на горизонте показался небольшой домик, у которого стояли два солдата. Рядом с домиком вбит небольшой щит с надписью: "Odra". Это, безусловно, был "Одер". Мы добрались до Одера у Глогау.

Мы добрались до реки, которая во все времена означала спасение и свободу. Итак, в Сибирь мы не попадем. Я закричал изо всех сил на весь вагон: "Мы на Одере". Я напоминал себе юнгу, который сидит на самом верху мачты и после затяжного плавания, наконец, сообщает о земле на горизонте. Для всех в вагоне я и был этим вестником конца страданий.

У Нидерлаузитце наш поезд пересек линию Одер - Нейссе. Поезд останавливается и огромная раздвижная дверь распаивается. Моментально до ушей доносится немецкая речь. Да, действительно, говорили по-немецки. Люди снаружи раздавали теплый суп и чай. Наконец-то, спустя 8 дней мы едим теплую пищу. В вагон подали газеты, немецкие газеты. Это были лишь "Теглихе Рундшау", издаваемая новой советской властью, и коммунистическая "Нойес Дойчланд". Содержание нас не интересовало. Перед нами было почти забытое немецкое печатное слово. Почти два года мы были отрезаны от мира. Наконец-то, совершенно свободно можно было говорить и писать по-немецки. Мы не могли справиться с охватившим нас чувством. Многие плакали от счастья.

Но ощущение безмерного счастья продолжалось недолго. Спустя несколько дней нас отправили в Саксонию Ангальт в карантинный лагерь Косвиг, недалеко от Виттенберга. Здесь нас ждали не отапливаемые бараки, отсутствие электричества, колючая проволока по периметру всего лагеря. Мы все же остались пленными. По плану нас должны были отправить в Верхнюю Баварию. Но из-за царившего голода, там была объявлена чрезвычайная ситуация. Беженцев больше не направляли туда. Никто из нас теперь не знал, куда нас могут отправить. Немцы, беженцы из Польши голодали и мерзли. Нас маленькими группами стали направлять в лагеря, расположенные по всей Германии. Но и там было уже слишком много выселенцев. Некоторым везло, и их принимали родственники, проживавшие на территории Германии. Так, например, повезло семьям Биастох и Микли.

Одной ночью нас переправили в город Штасфурт, недалеко от Магдебурга. На этот раз уже не в вагонах для перевозки скота, но поезд, тем не менее, не отапливался. Был как раз февраль 1947 года, мороз усилился. Так в ужасный мороз наш поезд 20 часов ехал отрезок в 80 км. Наша мама беспрестанно растирала нам с братом ладони, но это не могло заменить отобранные поляками одеяла и варежки. Многие тогда отморозили себе ноги и руки.

В Штассфурте нас поместили в лагерь, в котором вот уже 2 года дожидались возвращения на родину Румыны. Какое-то время нас вообще не кормили. Бараки не отапливались. По утрам на барак выдавалось немного теплой воды, но только в том случае, если там кто-то умер. Мы часто получали теплую воду.

Недалеко от нас располагалась, огражденная колючей проволокой воинская часть. На ее территории располагались небольшие хранилища для картошки. Под командованием Фритца Шамуна из Цеммена собиралась небольшая "банда". В непогоду мы отправлялись на дело. Однажды мы прошли через заграждения из колючей проволоки и подошли к одному из небольших хранилищ. Видать, не только мы сегодня ночью запланировали вылазку. Чья-то другая "банда" уже побывала тут. Мы в спешке набрали пару фунтов картошки и отправились обратно в лагерь. Вдруг где-то задался сторожевой пес и раздалась ругань русского солдата. Раздалась выстрелы из автомата. На этот раз никого не задело. Это значит, что еще пару дней мы будем жить.

И снова нас переводят в другой лагерь в Штассефурте. С питанием здесь было лучше. По крайней мере мы регулярно получали водянистый суп. Но вскоре на нас обрушивается новая беда. Река Бодде вышла из берегов и затопила весь город. В течение нескольких часов наш лагерь оказался под водой. Мы снова оказываемся без крыши над головой. Некоторые из нас тайком перебегают из советской зоны в сторону Люнебурга. Среди них и братья Шамун. Наше решение было простым: мы остаемся!

Небольшими группами нас грузовиками перебросили из затопленного предгорья Гарца в городишко Акен на Эльбе недалеко от Дессау. Это был 4-й лагерь за последние полгода! Но впервые мы попали в нормальные условия. Местное население жило за счет запасов, которые оставили после себя американцы, для которых война закончилась на Эльбе.

Похоже, что мы в этом лагере останемся надолго. Местные чиновники ничего не предпринимали. Моя мама вместе с тетей Минной Раде ходили от дома к дому в поисках жилья. Однажды им повезло. В одном доме на окраине как раз освободился чердак с небольшой кухонькой. Наша семья из 5 человек немедленно переехала в новое жилье. В комнатах не было ничего из мебели, поэтому какое-то время мы спали прямо на полу, подстелив под голову сумку или рюкзак, которые в дневное время служили нам стульями. Постепенно по частям мы стащили в наш новый дом полуразрушенную, никому не нужную мебель.

Наши надежды, что наш отец был ранен и, таким образом выжил, в один день были разрушены. После 13 лет поисков нашего отца с помощью "Красного креста" из Мюнхена на Пасху 1958 года мы получили короткое письмо от молодой женщины из Западной Пруссии: "Я... во время эвакуации со своими детьми 7.03.1945 года была застигнута русскими в деревне Безов / район Швале / Померания. Все немецкие беженцы и местные жители этой деревни были расстреляны на моих глазах. Среди них был легкораненый пехотинец Пауль Радде из Гросстухена..., который так же был расстрелян русским солдатом. До июля 1947 года я ухаживала за его могилой. Его документы я высылаю в письме".

Очевидцы этого события рассказывали, что молодой русский солдат долго и категорически отказывался выполнять приказ о расстреле и кричал при этом: "Не надо... Это добрый человек..." Но для его командования единственное было верным: каждый немец - фашист. А каждый фашист - преступник.

Лишь после того, как русскому солдату пригрозили расстрелом за невыполнение приказа он взялся за автомат и расстрелял захваченных. Две пули попали моему отцу в спину. Не смотря на это, он загородил собой, замерших в ужасе немецких женщин. Затем он в мольбе опустился на колени. Русский в испуге выпустил ему в голову целый магазин одной очередью. Мой отец мгновенно скончался. Его тело оставили лежать во дворе для запугивания немецких женщин и детей..."

Он был не единственным из Гросстухена, который умер такой смертью. Могилы расстрелянных можно было встретить везде. В нашей деревне тоже. Так были расстреляны молодая беременная фрау Пельц, мой дедушка из Клейнмассовитца, мой дядя из Луизенхора под Бютовым, наш работник Лэди из Белоруссии... Но там же, на наших полях, было много русских могил.

Деревня Гросстухен и прожитые там детские годы навсегда останутся в моей памяти. Я часто езжу в нашу померанскую Швейцарию, со своими бесконечными лесами, прекрасными реками и озерами, щедрыми полями и лугами. Но мне никогда не забыть весь ужас тех дней. Этого мне не забыть никогда. Пожалуй, каждый гросстухенец чувствует то же самое.